

---

## КАФЕДРА

### СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ. МАРКСИСТСКАЯ ВЕРСИЯ (окончание)

*Колганов Андрей Иванович* —  
д.э.н., в.н.с., МГУ.

#### Раздел 3. Социализм

#### **Подраздел 3. Можем ли мы дать научную картину социалистического общества?**

#### **Глава 26 Социально-экономическая система полного коммунизма**

##### *26.1. Условия перехода к высшей фазе коммунизма. Что такое «полный» коммунизм?*

Переход от социализма к высшей фазе коммунизма (от неполного к полному коммунизму) совершается прежде всего на основе изменений характера производительных сил, и в первую очередь – характера человеческой деятельности.

На первый взгляд, коммунистическое общество, как и любое другое, неизбежно сталкивается с проблемой ограниченности материальных ресурсов – природных ресурсов, технических средств, фонда рабочего времени и т.д. Отсюда вытекает необходимость экономии рабочего времени и т.д. Даже если представить себе общество, где достигнуто изобилие средств существования, то ограниченность все равно остается. Правда, эта ограниченность будет существовать уже не в сфере личного потребления, а в сфере производственной и творческой деятельности. Она может предстать, например, в форме ограниченности производства новейших образцов оборудования, ограниченности энергетических и технических ресурсов для исследовательских программ, ограниченности кадровых ресурсов, которые можно привлечь для тех или иных научных исследований, и в форме ограниченных возможностей средств сообщения, и ограниченной продолжительности человеческой жизни, неспособной обеспечить полную реализацию творческих способностей человека за срок его существования.

В любом обществе, разумеется, прилагаются некоторые усилия (где значительные, а где и не очень) к тому, чтобы раздвинуть рамки подобных ограничений за счет развития производительной силы труда, но в каждый данный момент времени общество вынуждено считаться с ними, как с объективной, непреодолимой гранью, лимитирующей возможности производства и потребления. Однако коммунистическое об-

щество отличается от других обществ тем, что сама специфика деятельности в этом обществе состоит в постоянном преодолении каких бы то ни было пределов для развития.

К. Маркс дал беглый набросок своего взгляда на такое развитие: «Результатом является всеобщее – по своей тенденции и по своим возможностям – развитие производительных сил и вообще богатства в качестве базиса. Базис как возможность универсального развития индивида и действительное развитие индивидов на этом базисе как беспрестанное устранение *предела* для этого развития, который и осознается как предел, а не как некая *священная грань*. Универсальность индивида не в качестве мыслимой или воображаемой, а как универсальность его реальных и идеальных отношений»<sup>1</sup>.

Таким образом, «полный коммунизм» *только начинается* тогда, когда человек покидает сферу непосредственного участия в производстве материальных благ, когда «прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека»<sup>2</sup>, когда труд выступает «в виде деятельности, управляющей всеми силами природы»<sup>3</sup> и превращается в «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку»<sup>4</sup>, когда развитие человека происходит «как беспрестанное устранение *предела* для этого развития»<sup>5</sup>, и является «абсолютным выявлением творческих дарований человека»<sup>6</sup>.

В более общем виде изменения в человеческой деятельности, являющиеся условиями перехода к высшей фазе коммунизма, К.Маркс изложил в «Критике Готской программы». Переход к высшей фазе коммунизма, с его точки зрения, произойдет «...после того, как исчезнет поработавшее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда: когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы...»<sup>7</sup>.

---

<sup>1</sup> Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II, М: ИПЛ, 1969, с. 35.

<sup>2</sup> Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. I, М: ИПЛ, 1968, с. 280.

<sup>3</sup> Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II, М: ИПЛ, 1969, с. 110.

<sup>4</sup> Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II, М: ИПЛ, 1969, с. 221.

<sup>5</sup> Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II, М: ИПЛ, 1969, с. 35.

<sup>6</sup> Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. I, М: ИПЛ, 1968, с. 476.

<sup>7</sup> Маркс К. Критика Готской программы. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч.,

---

С точки зрения социально-экономических отношений этому соответствует торжество свободного общественного объединения людей (принцип свободной ассоциации), на основе чего люди организуют производство по заранее обдуманному общему плану. Здесь не место фантазировать о том, как конкретно будет устроено производство по общему плану на высшей фазе коммунизма. Однако вполне определенно можно сказать, что характер организации деятельности в рабочее и в свободное время будет различаться.

#### *26.2. Различие деятельности в необходимом и свободное время.*

Капитал стремится к всемерному сокращению необходимого рабочего времени не ради сокращения рабочего времени вообще, а ради увеличения в этом времени доли прибавочного рабочего времени. И необходимое, и прибавочное рабочее время носят при капитализме однокачественный характер – это время труда под контролем капитала, время производства стоимости. Свободное время выступает как время, свободное от труда, и производственные отношения в узком смысле слова (отношения непосредственного производства) его не затрагивают, хотя в свободное время можно участвовать, например, в отношениях обмена и потребления.

Когда коммунизм стремится к экономии необходимого рабочего времени ради сокращения времени обязательного труда вообще и увеличения свободного времени, то деятельность человека в рабочее и свободное время приобретает разную социальную окраску. В первом случае происходит труд, диктуемый нуждой и внешней целесообразностью, во втором – свободный труд как самоосуществление индивида. Дадим слово К. Марксу: «*Рабочее время*, даже когда меновая стоимость будет устранена, всегда остается созидающей субстанцией богатства и мерой издержек, требующихся для его производства. Но свободное время, *время, которым можно располагать*, есть само богатство: отчасти для потребления продуктов, отчасти для свободной деятельности, не определяемой, подобно труду, под давлением той внешней цели, которая должна быть осуществлена и осуществление которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью, – как угодно»<sup>8</sup>. Поэтому и характер отношений в рабочее и свободное время различен. В рабочее время сохраняются «фабричная дисциплина труда», разделение на управляющих и управляемых, диктуемые законами организации труда в материальном производстве, хотя эти отношения также существенно видоизменяются по сравнению с капиталистическим обществом.

«Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный цело-

---

2-е изд. Т. 19. М: ИПЛ, 1961, с. 20.

<sup>8</sup> Маркс К. Теории прибавочной стоимости./Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.26, ч. III. М: ИПЛ, 1964, с. 265–266.

век, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости».<sup>9</sup> Этот подход предполагает радикальное сокращение тяжелого ручного, неквалифицированного, монотонного труда и введение общественного производства в рамки, обеспечивающие гармоничное взаимодействие с природной средой.

В свободное же время полностью реализуется принцип свободной ассоциации, всеобщего труда как свободной универсальной кооперации творческой деятельности. «По ту сторону его (царства необходимости – А.К.) начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе».<sup>10</sup>

Характер отношений, складывающихся в свободное время, становится на высшей фазе коммунизма господствующим, и распространяет свое влияние и на деятельность в рабочее время. «Само собой разумеется, что само рабочее время – тем, что оно будет ограничено нормальной мерой, далее, что оно будет затрачиваться уже не для другого, а для меня самого, – вместе с уничтожением социальных антагонизмов между хозяевами и рабочими и т.д. получит, как действительно социальный труд и, наконец, как базис для *свободного времени*, совершенно другой, более свободный характер и что *рабочее время* такого человека, который вместе с тем есть человек, располагающий свободным временем, должно будет обладать гораздо более высоким качеством, чем рабочее время рабочего скота»<sup>11</sup>.

### 26.3. Производственные отношения.

Структура производственных отношений коммунистического общества на его высшей фазе примерно такова же, как и на первой. Основное отличие заключается в степени зрелости коммунистических производственных отношений.

На высшей фазе коммунизма полностью исчезают все отношения товарного производства, и производство полностью приобретает непосредственно общественный характер. Этому соответствует полное преодоление отчуждения людей от их общественных отношений, торжество свободного общественного объединения людей (принцип свободной ассоциации), на основе чего люди организуют производство по

---

<sup>9</sup> Маркс. К. Капитал, т. III...,/Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.25, ч. II. М: ИПЛ, 1962, с. 387.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Маркс К. Теории прибавочной стоимости./Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.26, ч. III. М: ИПЛ, 1964, с. 266.

---

заранее обдуманному общему плану.

Поскольку производство средств существования, равно как и обеспечение всей совокупности материальных условий для этого, с ростом производительных сил общества будут занимать относительно небольшую часть времени, постольку основной целью и содержанием производственной деятельности будет обеспечение условий для развития человеческой индивидуальности. Это развитие, в свою очередь, станет главным источником роста производительности общественного труда. Поэтому главным источником роста общественного богатства станут не трудовые усилия людей (в противоположность тому, что сказано в Ветхом Завете: «В поте лица твоего будешь есть хлеб...» – Быт. 3, 19), и даже не совершенствование применяемых средств производства, а развитие самого человека в процессе научной, художественной, педагогической и т.д. деятельности.

На высшей фазе коммунизма, с развитием всеобщей собственности (то есть собственности каждого на всё<sup>12</sup>) отпадают особые отношения собственности. Это не значит, что в свободной ассоциации тружеников присвоение общественного богатства – в производстве ли, в потреблении ли, – не будет опосредоваться общественными отношениями между людьми. Однако, вместе с исчезновением отношений собственника и не-собственника (чему соответствует превращение безграничных по своей природе культурных ценностей, которые могут беспрепятственно присваиваться каждым членом общества, в главную форму богатства), это опосредование не будет принимать форму особых отношений собственности.

Вместе с этим отпадают и отношения между собственником и непосредственным производителем, составлявшие главное содержание любого экономического строя общества. Общественный строй коммунистического производства перестает быть экономическим строем, а фигуры собственника и непосредственного производителя окончательно сливаются. Впрочем, в материальном производстве («царстве необходимости») функциональные различия собственника и производителя остаются – ведь выполнение функций собственника и функций производителя подразумевает различные виды деятельности. *Но это различие видов деятельности не будет вести к образованию различных социальных ролей, т.е. к выделению людей, за которыми закреплены преимущественно либо одни, либо другие виды деятельности.*

Изменившийся характер деятельности является главной предпосылкой перехода

---

<sup>12</sup> «...При пролетарском присвоении масса орудий производства должна быть подчинена каждому индивиду, а собственность – всем индивидам. Современное универсальное общение не может быть подчинено индивиду никаким иным путем, как только тем, что оно будет подчинено всем им вместе» (Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 3. М: ИПЛ, 1955, с. 68).

к распределению по потребностям. Когда главным видом деятельности становится творческая самодеятельность индивидов, а главным богатством – достижение всесторонности как индивидуального развития, так и общественных связей, благодаря которым она достигается, то главной потребностью человека становится саморазвитие в процессе творческой деятельности и богатство общения. Раз главный мотив и результат деятельности изменился, то в соответствии с этими изменениями меняется и характер распределения.

Для участия в творческой деятельности и общении не остается никаких социальных препятствий (и хотя наличные материальные средства деятельности в каждый данный момент времени ограничены, деятельность человека как раз и направлена на постоянное преодоление этой ограниченности). При таких условиях главной проблемой распределения становится доступ к творчеству и общению – а этот доступ на высшей фазе коммунизма ограничивается только собственными способностями человека. Таким образом, *распределение по потребностям становится реально-стью*, ибо человек самостоятельно включается в процесс творческой деятельности именно в меру собственных потребностей.

Разумеется, определенный – и достаточно высокий – уровень удовлетворения потребностей в жизненных средствах является необходимым условием перехода к такому способу распределения. Этот уровень потребления выступает здесь не как самоцель, а всего лишь как условие полноценного включения в творческую деятельность, и объем необходимых жизненных средств воспринимается человеком именно с точки зрения отсутствия с этой стороны препятствий для саморазвития. Как заметили классики марксизма еще в своих ранних работах, «...при крайней нужде должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость»<sup>13</sup>.

Однако главным условием перехода к распределению по потребностям является не изобилие жизненных благ, а такие изменения в характере человеческой деятельности, которые устраняют подчинение человека общественному разделению труда, обеспечивают всесторонность развития индивидов и превращают труд в первую жизненную потребность (что, собственно, и обеспечивает необходимый уровень производства и потребления жизненных благ как свой побочный результат).

#### 26.4. Освобождение человека.

*Человек как субъект истории. Источники развития.*

Нередко марксизм пытаются представить как философскую систему, провозглашающую, вместе с достижением коммунизма, законченность человеческой истории.

---

<sup>13</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 3. М: ИПЛ, 1955, с. 33.

---

Казалось бы, Маркс сам дает повод для этого, заявляя: «Как только меновая стоимость перестанет составлять предел для материального производства и его предел будет определяться его отношением к целостному развитию индивида, то отпадет вся эта история с ее судорогами и страданиями»<sup>14</sup>.

Однако для Маркса конец *прежней* истории означает лишь впервые достигнутую для человечества возможность жить реальной исторической жизнью. Говоря о «целостном развитии индивида», о беспредельной универсальности развития человека, Маркс добавляет: «Отсюда проистекает также понимание его собственной истории как *процесса* и познание природы (выступающее также в качестве практической власти над ней) как своего реального тела. Сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы полное развитие производительных сил стало *условием производства*, чтобы определенные условия производства не являлись пределом для развития производительных сил»<sup>15</sup>.

Прежняя история была историей борьбы за существование. Конечно, человек развивался и в этой истории – но такое развитие происходило как побочный продукт борьбы за существование, развитие одних индивидов обеспечивалось за счет других, и человечество – поскольку его собственные общественные отношения господствовали над ним как чуждые ему силы – в целом не контролировало этот стихийный процесс развития. Однако раз отпадает борьба за существование, и люди, взяв свои производительные силы под свой совместный контроль, оказываются свободны для самостоятельного установления общественных связей между собой, то их собственное развитие становится непосредственной целью их деятельности и тем самым составляет и содержание процесса истории.

История теперь впервые в полном смысле слова становится историей человеческого развития.

Но для этого необходимо достижение целого ряда условий. Маркс предполагал, что историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда его развитие приведет к тому, «...что, с одной стороны, владение всеобщим богатством и сохранение его будут требовать от всего общества лишь сравнительно незначительного количества рабочего времени, и что, с другой стороны, работающее общество будет по-научному относиться к процессу своего прогрессирующего воспроизводства, своего воспроизводства во все возрастающем изобилии; – следовательно, тогда, когда прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить

---

<sup>14</sup> Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II. М: ИПЛ, 1969, с. 123.

<sup>15</sup> Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II, М: ИПЛ, 1969, с. 35.

---

вещи делать для себя, для человека»<sup>16</sup>.

Капитал создает такие предпосылки потому, что «...капитал гонит труд за пределы обусловленных природой потребностей рабочего и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всесторонняя и в своем производстве и в своем потреблении и труд которой выступает поэтому уже не как труд, а как полное развитие самой деятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в свое непосредственной форме, ибо на место обусловленной природой потребности становится потребность, созданная исторически»<sup>17</sup>.

В результате такого исторического развития становится возможным отбросить его ограниченную буржуазную оболочку: «На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т.д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т.е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, т.е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному масштабу*. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»<sup>18</sup>.

Итак, человек, уже не связанный необходимостью большую часть времени тратить на добычу средств к существованию и на обеспечение накопления вещного богатства в руках других людей, будет свободно развивать собственную индивидуальность. И свободный союз людей, выступающих как независимые индивиды (свободная и равная ассоциация), становится здесь основной формой их общественной связи.

«Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода. <...> В условиях действительной коллективности индивиды обре-

---

<sup>16</sup> Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. I, М: ИПЛ, 1968, с. 280.

<sup>17</sup> Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. I, М: ИПЛ, 1968, с. 281.

<sup>18</sup> Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. I, М: ИПЛ, 1968, с. 476.

---



тают свободу в своей ассоциации и посредством нее»<sup>19</sup>. Свобода понимается здесь не как негативная свобода от любых ограничений («воля», произвол), и не как свобода в ее либеральной трактовке – в виде вынужденного компромисса противоположных интересов (мои права кончаются там, где начинаются права других людей), а как постоянное преодоление всех и всяческих границ, основанное на общности интересов и на добровольном сотрудничестве людей.

Человек тем самым преодолевает любые границы своей общественной жизни – его общественные связи становятся потенциально безграничными как в пространстве, так и во времени. Хотя человек (обращаясь к тезису В. Межуева) платит за неповторимость своей индивидуальности конечностью своего существования – каждый человек есть особая вселенная и другой такой не было и не будет – но в свободной ассоциации человек преодолевает и ограниченность индивидуального существования. Деятельность человека, воспроизводящего себя в универсальности своей деятельности и своих общественных связей, основывается здесь на кооперации с людьми современниками, предшественниками и потомками.

Однако такое преодоление индивидуальной ограниченности невозможно без сотрудничества с другими людьми, невозможно без восприятия людьми друг друга как неповторимых индивидуальностей.<sup>20</sup>

На этом противоречии основывается и движущее противоречие развития и воспроизводства человека в коммунистическом обществе как воспроизводства целостного общественного человека. Специфические для первой фазы коммунизма противоречия развития – между вещной и деятельностной составляющими богатства, между стремлением к расширению свободного времени и ограниченными возможностями его использования для развития индивида и т.п., – на высшей фазе снимаются. Однако остается безграничное стремление человека выйти за пределы своего индивидуального существования. Сегодня трудно представить во всей конкретности,

---

<sup>19</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 3. М: ИПЛ, 1955, с. 75.

<sup>20</sup> «Предпосылки и автономии, и индивидуальности сохраняют строго интерсубъективное значение в коммуникативном действии: тот, кто произносит моральные суждения и совершает моральные действия, должен рассчитывать на согласие неограниченного коммуникативного сообщества; тот, кто реализует избранную с сознанием ответственности историю жизни, должен рассчитывать на признание со стороны этой индивидуальной аудитории», – пишет Юрген Хабермас. – «Соответственно моя идентичность, а именно моя концепция меня самого как автономно действующего и полностью индивидуализированного существа, может быть устойчивой лишь в том случае, если я получу подобного рода подтверждение и признание и как вообще личность, и как эта индивидуальная личность» (Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии, 1989, №2).

какие именно человеческие драмы, какое напряжение страстей будет порождать это противоречие, однако и нашим предкам, и современникам доводилось сталкиваться с этим противоречием. И тот факт, что оно способно порождать всплеск творческой энергии человека, несомненен.

### 26.5. Чего не будет при коммунизме?

Все предшествующее изложение проблематики характера производства и общественных отношений высшей фазы коммунизма носило весьма абстрактный характер. Иначе и быть не могло. Высшая фаза коммунизма еще не стала исторически полномасштабной реальностью (хотя в известном смысле она уже проявляет себя в реальности). Гораздо более конкретные суждения о высшей фазе коммунизма можно вынести, если обратить внимание не на то, *что будет* на этой высшей фазе, а на то, *чего там не будет*. То, что отрицается высшей фазой коммунизма, известно нам во всей конкретности, и потому *негативные определения* коммунизма отличаются значительно большей детальностью и осязаемостью.

Как уже говорилось выше, высшая фаза коммунизма характеризуется снятием товарного производства и свойственных ему общественных отношений. Отмирает всеобщее производство на продажу и погоня за деньгами как за мерилем успеха. Устранение товарного производства неизбежно ставит вопрос: в какой социальной форме будет происходить определение общественной необходимости затрат труда, их учет и измерение, обеспечивающие их экономию? У Маркса мы не найдем ответа на этот вопрос. Он определенно знал лишь, что такой механизм должен сложиться, что на место товарного производства должна встать иная социальная форма, которая уже не окольным путем, а прямо обеспечивает контроль индивидов над своим трудом и затрачиваемым на него временем.

Иллюзия, будто на место товарного производства может встать трудовой учет непосредственно в натуральной форме, основывается на непонимании того факта, что люди не могут производить, не вступая в определенные общественные (производственные) отношения между собой. Однако решение вопроса о том, как именно, в каких конкретных общественных формах свободная ассоциация будет регулировать свое совокупное рабочее время, распределяя его для производства различных продуктов, относится к будущему – к тому будущему, когда исчезнут условия для обособленного, частного производства на рынок, и всякий труд уже не сможет быть сведен к простой абстракции деятельности. Только тогда новые социальные формы труда проявят себя с объективной необходимостью. Хотя уже сейчас можно строить различные предположения на этот счет, ни одно из них пока не выглядит достаточно основательным.

Вместе с падением товарного производства и частного характера труда вообще отпадает и частная собственность, и, в результате всего этого, устраняется отчужде-

ние труда, отчуждение человека от продуктов своей деятельности, а вместе с этим – и отчуждение человека от человека и человека от общества.

Естественно, что при коммунизме не будет эксплуатации (эта проблема решается еще на его первой фазе).

На высшей фазе коммунизма произойдет стирание социально-классовых различий. При этом огромное разнообразие индивидуальных свойств людей не будет вести к их разделению на общественные классы. Никакие различия не будут основанием для приобретения социально привилегированного статуса, для неравного положения в системе общественных отношений. Все люди будут иметь одинаковые возможности для участия в любых видах деятельности, доступность которых будет определяться лишь своеобразием личных способностей людей, и не будет никаких социальных градаций в условиях личного потребления.

Другой социальный институт, которому не суждено дожить до высшей фазы коммунизма – государство. Государственная организация общества сменится общественным самоуправлением. Что будет представлять собой самоуправление в глобальном масштабе – это пока невозможно представить в конкретных формах. Можно говорить пока о зыбких прообразах такой добровольной координации общественно-организующей деятельности в виде современной «сетевой демократии», которую практикуют современные глобальные социальные движения.

Вместе с государством отпадут и основные формы организованного насилия, и в первую очередь войны. Исчезновение войн будет иметь своей предпосылкой также постепенное (более длительное, нежели для организации общественного самоуправления) отмирание национальных противоречий. Но еще до их окончательного отмирания сделается возможным исключить войны как способ разрешения конфликта национальных интересов, первым шагом к чему будут полная ликвидация оружия массового поражения, резкое взаимное сокращение военных расходов и арсеналов военного противостояния, введение дополнительных международных ограничений в обычаи и правила войны.

Целиком исчезает значительный пласт преступности, связанный с корыстными побуждениями, и резко сокращается социально-психологическая база для преступлений против личности, в связи со снятием социальной напряженности, обусловленной самыми различными проявлениями социального неравенства. Однако ликвидировать конфликты на почве личных взаимоотношений, как и попытки разрешения их преступным путем, никакая общественная система не может. Она может лишь создать условия для сведения таких эксцессов к минимуму, что позволит отказаться от специального правоприменительного аппарата (судов, прокуратуры и т.д.), вместе с отмиранием самого института права.

Значительные перемены произойдут в общественном сознании. Религиозные формы общественного сознания потеряют свое значение, распространение и влияние церкви как общественного института, по меньшей мере, резко сократится. Хотя

общественные предпосылки для существования религиозного сознания практически исчезнут, но ряд других предпосылок (наличие пределов возможностей человека – конечность индивидуального существования, ограниченность познания мира и т.д.) сохранится. Кроме того, традиционные формы общественного сознания будут преобразовываться медленнее, чем будут меняться объективные предпосылки их существования. Поэтому в обозримой перспективе полная и абсолютная ликвидация всяких пережитков суеверий вряд ли возможна.

Безусловно, претерпит значительные изменения форма семьи. Если даже на протяжении XIX – XX веков произошло уже не одно изменение формы семьи, то тем более следует ожидать существенных перемен в этой области при переходе к новой исторической эпохе. Каковы будут конкретные формы семейных отношений? Ответ на этот вопрос лучше всего сформулировал Ф. Энгельс:

«Таким образом, то, что мы можем теперь предположить о формах отношений между полами после предстоящего уничтожения капиталистического производства, носит по преимуществу негативный характер, ограничивается в большинстве случаев тем, что будет устранено. Но что придет на смену? Это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется ни отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из-за боязни экономических последствий. Когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать; они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответствующее этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности, – и точка».<sup>21</sup>

Таким образом, семейно-брачные отношения не будут связаны с заботой об условиях существования, отпадет закрепление частной семейной собственности как одной из основ существования семьи, и использование семьи как трамплина для материального успеха. Произойдет также изменение соотношения воспитания, основанного на биологической связи родителей и детей (каковую вовсе не следует игнорировать – но только до тех пор, пока играет роль как сама биологическая связь, так и выросшая на ее основе социальная общность родителей и детей), и общественного воспитания подрастающего поколения.

\* \* \*

Этот краткий обзор высшей фазы коммунизма оставляет, разумеется, очень много вопросов – в том числе и вовсе не рассмотренных мною. Однако я надеюсь, что обозначенные здесь узловые пункты дают достаточное представление о том, какими видятся основы будущего общественного строя.

---

<sup>21</sup> Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 21. М: ИПЛ, 1961, с. 85.

---

## УРОКИ ИСТОРИИ

### ПЛОМБИРОВАННЫЙ ВАГОН<sup>1</sup>

*Логинов Владлен Терентьевич —  
д.и.н., профессор, Российский  
университет образования.*

Итак, 8 апреля все обязательные дела были завершены и утром 9-го, с первым поездом, Ленин и Крупская уехали в Цюрих. В запасе было всего лишь несколько часов.

Прощались с хозяевами, побросали самое необходимое в корзину, вернули книги в библиотеку и отнесли вещи на вокзал. Там уже собирались все те, кто решил ехать.

«Все уезжающие, — рассказывает Платтен, — собрались в ресторане “Церингерхоф” за общим скромным обедом. Из-за беспрестанной беготни взад и вперед и беспрерывной информации, делаемой Лениным и Зиновьевым, собрание производило впечатление растревоженного муравейника». После обсуждения информации все собравшиеся решили подписать обязательство, согласно которому ответственность за предпринимаемый шаг каждый из участников поездки брал лично на себя<sup>2</sup>.

И тут произошел конфликт. Среди тех, кто намеревался ехать, объявился врач Оскар Блюм, автор книги «Выдающиеся личности русской революции». Согласно договоренности, ни партийная принадлежность, ни образ мыслей не могли служить препятствием для включения в список. И среди отъезжающих, помимо большевиков, были и меньшевики, и впередовцы, и эсеры, и анархисты. Но Блюма подозревали в связях с охранкой. «Ленин и Зиновьев дали ему понять, что будет лучше, если он откажется от поездки... Его желание — опросить всех едущих — было удовлетворено. 14 голосами против 11 включение его в список уезжающих было отклонено»<sup>3</sup>.

Постепенно собрались все. В половине третьего вся группа «направилась из ресторана “Церингерхоф” к вокзалу, нагруженные — по русскому обычаю — подушками, одеялами и пр. пожитками». На перроне уже толпились провожающие. И вдруг выяснилось, что Блюм загодя уже прошел в вагон и преспокойно, с улыбочкой, занял место. Вот тут-то Владимир Ильич, который все это время держал себя в руках, как говорится, сорвался. Он вскочил в вагон и буквально за шиворот выволок нахала на перрон.

Между тем у вагона собралась толпа эмигрантов, бурно протестовавших против поездки. Вот-вот могла возникнуть потасовка. Но молодые швейцарцы — друзья

---

<sup>1</sup> отрывки из книги: Логинов В.Т. Ленин: Путь к власти. Биография. (1917 год). Книга находится в печати.

<sup>2</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 53, 55, 125.

<sup>3</sup> Там же. С. 53, 54.

---

Платтена и железнодорожные служащие быстро вытолкали бузотеров с перрона. За пару минут до отхода поезда к Зиновьеву «в большом возбуждении» подошел Давид Рязанов: «В.И. увлекся и забыл об опасностях; вы – хладнокровнее. Поймите же, что это безумие. Уговорите В.И. отказаться...»<sup>4</sup> Но вступать в дискуссию было поздно.

Стоявший на перроне приятель Платтена, молодой анархист Зигфрид Блох, прощаясь с Лениным, вежливо «выразил надежду скоро снова увидеть его у нас», то есть в Швейцарии. Владимир Ильич рассмеялся и ответил: «Это было бы плохим политическим знаком»<sup>5</sup>. Отъезжающие уже заняли свои места в вагоне и все ждали сигнала к отправлению...

Поскольку в «ленинградской» литературе даже вопрос о числе эмигрантов, отправлявшихся в Россию, стал предметом политических инсинуаций, приведем их список. Под обязательством, подписанном в ресторане «Церингергоф», стоят фамилии: Ленина и Лениной (Крупской), Зиновьева и Радомысльской (Лилиной), Сафарова и Сафаровой (Мартошкиной), Усиевича и Елены Кон (Усиевич), сотрудников газеты «Наше слово» Ильи и Марии Мирингоф (Мариенгоф), Инессы Арманд и сестры ее мужа Анны Константинович, Миши Цхакая и Давида Сулиашвили, Григория Сокольников, М. Харитонов, Н. Бойцова, А. Линде, Ф. Гребельской, А. Абрамовича, А. Сковно, О. Равич, Д. Слюсарева, эсера Д. Розенблюма (Фирсова), Б. Ельчанинова, Шейнесон, М. Гобермана, Айзенхунд и бундовки Б. Поговской. Итого 29 взрослых и два ребенка: Степан – сын Зиновьевых и Роберт – сын Поговской. Итого: 31 человек. Не было подписи тридцать второго – Карла Радека. Он являлся австрийским подданным и не мог считаться российским эмигрантом. Поэтому Платтен попросил его не мелькать на вокзале, а присоединиться к группе на ближайшей остановке в Шафхаузене, что Радек и сделал<sup>6</sup>.

Наконец прозвенел вокзальный колокол. Провожающие запели «Интернационал». И поезд двинулся в путь...

А те, кто остались, кто считал эту поездку политической ошибкой – доказали ли они возможность иного решения? Нет...

Дни проходили в бесплодном ожидании ответа из Петрограда. «Положение наше стало невыносимым», – телеграфировал Мартов своим коллегам в Россию. 15 апреля произошел раскол. Группа эмигрантов в 166 человек, решивших ждать, выделилась в отдельную организацию. Лишь 21 апреля пришел ответ на телеграмму, посланную 5-го. Ответил Милюков. Он вновь указал, что проезд через Германию невозможен и – в который раз – пообещал добиться возвращения через Англию<sup>7</sup>.

---

<sup>4</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 54, 123.

<sup>5</sup> Ленинградская правда. 1925. № 17. 21 января. С. 13.

<sup>6</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 50.

<sup>7</sup> Там же. С. 38-40.

Эмигранты расценили ответ как издевательство. И 30 апреля заявили, что поедут на родину тем же путем, что и ленинская группа. На вопрос – не использует ли Германия их поездку в своих целях, они смогли повторить лишь то, что говорили большевики: «Нас абсолютно не касается, какие мотивы будут руководить при этом немецким империализмом, так как мы ведем и будем вести борьбу за мир, само собой разумеется, не в интересах немецкого империализма, а в духе интернационального социализма... Условия проезда Ленина, опубликованные Платтенем в “Народном праве”, содержат в себе все нужные гарантии». Аксельрод, Мартов и Семковский написали еще точнее: «Соображения дипломатического характера, опасения ложного истолкования, отступают для нас на задний план перед могучим долгом участвовать в Великой революции»<sup>8</sup>.

12 мая (29 апреля) вторая группа эмигрантов – 257 человек, в их числе Мартов, Натансон, Луначарский и другие, уехали через Германию в Россию. В Питер они благополучно прибыли во вторник 22 (9) мая.

Впрочем, не все закончилось гладко. Пользуясь в переговорах с Ромбергом услугами того же Роберта Гримма, они привезли его с собой в Петроград для встречи с Временным правительством относительно судьбы оставшихся в Швейцарии эмигрантов. Но Гримм сразу же занялся своей «тайной дипломатией» о возможности заключения сепаратного мира и со скандалом был выдворен из России<sup>9</sup>.

30 июня был третий, потом четвертый «заезды». Точно так же, в «запломбированном» вагоне, через Австрию, русские социалисты уехали из Болгарии. А поверившие Милюкову и дожидавшиеся проезда через Англию швейцарские эмигранты в августе 1917 года с обидой телеграфировали Керенскому: «Циммервальдисты уехали, мы остались»<sup>10</sup>.

Но все это было потом...

А 9 апреля (27 марта) в 15 часов 10 минут поезд с первой группой политэмигрантов выехал из Цюриха. Прибыли в Тайнген. Здесь швейцарские таможенники учинили досмотр багажа по полной программе. Оказалось, что некоторые продукты – особенно шоколад – превышали нормы вывоза. Излишки были конфискованы. Затем пересчитали пассажиров. «Каждый из нас, – рассказывает Елена Усиевич, – выходил с задней площадки вагона, держа в руках клочок бумаги с начертанным на нем порядковым номером... Показав этот клочок, мы входили в свой вагон с передней площадки. Никаких документов никто не спрашивал, никаких вопросов не задавал»<sup>11</sup>.

---

<sup>8</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 39, 41, 42; Урилов И.Х. Ю.О. Мартов. Политик и историк. М., 1997. С. 289, 290.

<sup>9</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 71, 72.

<sup>10</sup> См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 21).

<sup>11</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 66, 148.

Вагон перегнали через границу на немецкую станцию Готмадинген. Сопровождавший группу атташе германского посольства в Берне Шюллер передал свои полномочия офицерам Германского генерального штаба ротмистру Арвиду фон Планитцу и лейтенанту, доктору Вильгельму Бюригу<sup>12</sup>. Все опять выгрузились из вагона и вошли в зал таможни, где мужчинам и женщинам предложили стать по разные стороны длинного стола.

«Мы стояли молча, – пишет Радек, – и чувство было очень жуткое. Владимир Ильич стоял спокойно у стены, окруженный товарищами. Мы не хотели, чтобы немцы к нему присматривались. Бундовка, которая везла с собой четырехлетнего сынишку, поставила его на стол. На мальчика, видимо, подействовало общее молчание, и он вдруг спросил острым ясным детским голосом: “Мамеле, вуси дуэз?”» Ребенок, видимо, хотел спросить: «Что это? Что происходит, мамочка?» И детский «выкрик на... минско-английском наречии» разрядил атмосферу<sup>13</sup>. Оказалось, что все это «построение» понадобилось немцам лишь для того, чтобы вновь пересчитать пассажиров.

Затем в зале ожидания III класса подали ужин. «Худенькие, изжелта-бледные девушки в кружевных наколках и передничках разносили на тарелках огромные свиные отбивные с картофельным салатом... Достаточно было взглянуть на дрожащие руки девушек, протягивающих нам тарелки, на то, как они старательно отводили глаза от еды, чтобы убедиться, что давно уж в Германии не видят ничего подобного... И мы, – пишет Елена Усиевич, – совали в руки официанткам нетронутые тарелки с кушаньем»<sup>14</sup>.

А утром подали серо-зеленый вагон II и III класса типа «микст» – наполовину мягкий, наполовину жесткий, три двери которого были опечатаны пломбами. Вагон прицепили к поезду на Франкфурт и путешественники стали размещаться. Первое мягкое купе отдали немецким офицерам. У его дверей провели мелом жирную черту – границу «экстерриториальности». Ни немцы, ни россияне не имели права переступить через нее<sup>15</sup>. Отдельное купе дали Ленину и Крупской, чтобы Владимир Ильич мог работать. Получили по купе семья Зиновьевых и Поговская с сыном. Отвели купе под багаж. Но когда дележ закончился, выяснилось, что нескольких спальных мест не хватает. Тогда для мужчин составили график очередности сна. Но всякий раз, когда подходил черед на полку Владимира Ильича, очередники категорически отказывались ложиться на его место: Вы должны иметь возможность спокойно работать<sup>16</sup>.

---

<sup>12</sup> См. Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 52, 56, 57; Хёпфнер К., Ирмтрауд Ш. Ленин в Германии. Перевод с нем. М., 1985. С. 179.

<sup>13</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 129.

<sup>14</sup> Там же. С. 149.

<sup>15</sup> См. там же. С. 56.

<sup>16</sup> См. там же. С. 151.



Впрочем, со спокойной работой никак не получалось. То в купе по поводу разного рода дел набивалось множество людей. И Ленину приходилось решать даже вопрос о том, как поделить единственный туалет между курящими и некурящими. То в соседнем купе, где ехали Сафаровы, Инесса Арманд и Ольга Равич, Радек начинал рассказывать анекдоты и тоненькие перегородки буквально дрожали от хохота. То молодежь – «у кого голоса были получше и слух не слишком подводил» – шли к купе, как они говорили, «давать серенаду Ильичу».

«Для начала, – рассказывает Елена Усиевич, – мы пели обычно «Скажи, о чем задумался, скажи, наш атаман». Ильич любил хоровое пение, и нас не всегда просили удалиться. Иногда он выходил к нам в коридор, и начиналось пение всех подряд любимых песен Ильича: «Нас венчали не в церкви», «Не плачьте над трупами павших бойцов» и так далее»<sup>17</sup>.

Любопытны наблюдения 24-летней Елены, касающиеся личности Ленина: «Никогда мне не приходилось видеть человека, до того естественного и простого в каждом своем слове, в каждом движении... Никто не чувствовал себя подавленным его личностью, даже смущения перед ним не испытывал... Рисовка в присутствии Ильича была невозможна. Он не то чтобы обрывал человека или высмеивал его, а просто как-то сразу переставал тебя видеть, слышать, ты точно выпадал из поля его зрения, как только переставал говорить о том, что тебя действительно интересовало, а начинал позировать. И именно потому, что в его присутствии сам человек становился лучше и естественней, было так свободно и радостно с ним»<sup>18</sup>.

А между тем поезд шел по Германии. «На больших станциях, – пишет Усиевич, – поезд наш останавливался преимущественно по ночам. Днем полиция отгоняла публику подальше, не давая ей подходить к вагону. Но поодаль народ все же собирался группами и днем, и даже по ночам и жадно смотрел на наш вагон. Нам махали издали руками, показывая обложки юмористических журналов с изображением свергнутого царя». И Елене казалось, что они «связывали с проездом через их страну русских революционеров затаенные надежды на скорый конец ужасающей бойни, на мир...»<sup>19</sup>.

Проехали Штутгарт и сопровождавшие офицеры сообщили Платтену, что в соседний вагон – с ведома высшего военного командования – сел Вильгельм Янсон, член руководства германских профсоюзов, который хотел бы побеседовать с русскими. «Мое сообщение, – пишет Платтен, – вызвало взрыв веселья... Эмигранты заявили, что они отказываются от беседы и не задумаются прибегнуть к насилию в случае повторных попыток». Радек дополняет: «Ильич приказал прогнать его “к чертовой

---

<sup>17</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 129, 150.

<sup>18</sup> Там же. С. 151.

<sup>19</sup> Там же. С. 149.

бабушке" и отказался его принять... Несмотря на полученную пощечину [Янсон] очень старался, на всякой станции покупал для нас газеты и обижался, когда Платтен возмещал ему их стоимость»<sup>20</sup>.

Вообще эмигранты, особенно молодежь, почти всю дорогу находились в несколько возбужденном и приподнятом настроении. В коридоре вагона то и дело вспыхивали споры – о положении в России, перспективах революции, а главное, как встретят их – арестуют сразу или потом? Во время такого спора Ленин спросил Платтена: «Какого вы мнения, Фриц, о нашей роли в русской революции?» – «Должен признаться, – ответил я, – что... вы представляетесь мне чем-то вроде гладиаторов Древнего Рима, бесстрашно, с гордо поднятой головой, выходявших на арену навстречу смерти... Легкая улыбка скользнула по лицу Ленина...»<sup>21</sup>

Никаких контактов с немцами не было. Даже обед – оплаченные Красным Крестом котлеты с горошком – приносили в вагон. Всю дорогу путешественники смотрели в окна. Поражало отсутствие мужчин – и в городах и в деревнях, серые, с потухшими глазами, усталые лица<sup>22</sup>. Но во Франкфурте произошел неожиданный инцидент...

Когда поезд остановился, офицеры – фон Планитц и Бюриг – ушли в ресторан. Между тем вагон перегнали на другой путь. Тогда Платтен тоже вышел из вагона, отправился в вокзальный буфет, купил «пива, газет и попросил нескольких солдат за вознаграждение отнести пиво в вагон...»

Эмигранты стояли у окон, всматриваясь в лица пассажиров, спешивших к пригородным поездкам, как вдруг, растолкав охрану, в вагон прорвались солдаты. «Всякий из них держал в обеих руках по кувшину пива. Они набросились на нас, – пишет Радек, – с неслыханной жадностью, допрашивая, будет ли мир и когда. Это настроение солдат сказало нам о положении больше, чем это было полезно для германского правительства... Больше никого мы всю дорогу не видели»<sup>23</sup>.

Вечером 10 апреля (28 марта) вагон подцепили к поезду и утром прибыли в Берлин сначала на Потсдамский, затем на Штеттинский вокзал. Платформа, на которой стоял поезд, была оцеплена штатскими шпиками до тех пор пока вагон не отправили в Засниц.

В Заснице Германия кончалась. Отсюда на морском пароме «Королева Виктория» путешественников доставляли до шведского города Треллеборг. Эмигрантов опять пересчитали и немецкие офицеры, сопровождавшие группу, остались на берегу. Обычно тут высаживались и пассажиры поезда, а потом шли на паром. Местные

---

<sup>20</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 57, 64, 130, 131.

<sup>21</sup> Там же. С. 58.

<sup>22</sup> Там же. С. 57, 119.

<sup>23</sup> Там же. С. 56, 131; Хёпфнер К., Ирмтрауд Ш. Ленин в Германии. С. 182.

---

власти пригласили эмигрантов на ужин, но ленинская группа, дабы не ступить на немецкую землю, отказалась от приглашения и осталась ночевать в вагоне. И только когда утром весь состав вкатили в трюм, они вышли на палубу – здесь уже была шведская территория<sup>24</sup>.

Тем авторам, которые упорно пишут о том, как германский кайзер принимал личное участие в решении вопроса о проезде эмигрантов и даже давал соответствующие инструкции, на всякий случай напоминаем, что именно в этот день, 12 апреля, когда российские революционеры покинули Германию, Вильгельм II был впервые проинформирован о «путешествии» интернационалистов<sup>25</sup>.

На пароме эмигранты разошлись по каютам. «Море было беспокойно, – рассказывает Платтен. – Из 32 путешественников не страдали от качки только 5 человек, в том числе Ленин, Зиновьев и Радек; стоя возле главной мачты, они вели горячий спор». Дело в том, что пассажирам роздали обширнейшие анкеты, и Ленин заподозрил в этом какой-то подвох со стороны шведской полиции. Решили подписывать их фальшивыми фамилиями. Анкеты сдали, но «вдруг появляется с бумажкой в руке капитан и спрашивает, кто из них г-н Ульянов... Ильич не сомневается, что его предположение оказалось правильным, и вот его пришли задержать. Скрывать уже нечего, – в море не выскочишь. Владимир Ильич называет себя». Оказалось, что это всего лишь телеграмма от Ганецкого, встречающего паром<sup>26</sup>.

Около 18 часов «Королева Виктория» причаливает в Треллеборге. На пристани Ганецкий и шведский социал-демократ Гримлунд. «Горячие приветствия, вопросы, суэта, крик ребят. У меня, – пишет Ганецкий, – от радости слезы на глазах... Минуты нельзя терять, – через четверть часа едет поезд в Мальмё»<sup>27</sup>. Немногим более часа и поезд в 20 часов 41 минуту доставляет путешественников в Мальмё.

Неподалеку от вокзала, в кафе гостиницы «Савой» Ганецкий заказал ужин. «Наша голытьба, – рассказывал Радек, – которая в Швейцарии привыкла считать селедку обедом, увидев громадный стол, заставленный бесконечным количеством закусок, набросилась, как саранча, и вычистила все до конца, к неслыханному удивлению кельнеров... Владимир Ильич ничего не ел. Он выматывал душу из Ганецкого, пытаясь от него узнать про русскую революцию все... что Ганецкому было неизвестно»<sup>28</sup>.

В ночь на 13 апреля поездом выехали в Стокгольм. И опять Ленин расспрашивал Ганецкого о последних сведениях из России. Лишь в 4 часа ночи его уговорили не-

---

<sup>24</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 58, 152, 185; Хёпфнер К., Ирмтрауд Ш. Ленин в Германии. С. 182.

<sup>25</sup> Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». С. 71.

<sup>26</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 131, 139.

<sup>27</sup> Там же. С. 138.

<sup>28</sup> Там же. С. 131, 138, 139.

много поспать. Однако уже в 8 утра на станции Сёдертелье в вагон ворвались корреспонденты. «Строго выполняя решение, – пишет Елена Усиевич, – не отвечать ни на какие вопросы, мы не говорили даже “да” и “нет”, а лишь... тыкали пальцами в направлении Ильича. Полагая, что мы не понимаем вопросов, представители прессы пытались заговаривать с нами на французском, немецком, английском, даже на итальянском языках... Справляясь со словарем, задавали вопросы на русском или польском языках. Мы мотали головами и тыкали пальцами в Ильича. Боюсь, что у западной прессы создалось впечатление, будто знаменитый Ленин путешествует в сопровождении глухонемых...» Все успокоились после того, как Владимир Ильич заявил, что коммюнике для прессы будет передано в Стокгольме<sup>29</sup>.

В пятницу, 13 апреля, в 10 часов утра поезд прибыл в Стокгольм. На Центральном вокзале его встречали шведские социал-демократы: бургомистр Карл Линдхаген, депутат риксдага, писатель Фредерик Стрём, русские большевики и множество корреспондентов и фоторепортеров. Корреспондентам Владимир Ильич сказал: «Самое важное, чтобы мы прибыли в Россию *как можно скорее*. Дорог каждый день...» и передал для опубликования официальное коммюнике о поездке<sup>30</sup>.

С вокзала проследовали в гостиницу «Регина». Здесь состоялось совещание с шведскими левыми. Ленин сделал сообщение об обстоятельствах их поездки. И под «Заявлением», подписанном в Берне интернационалистами Франции, Германии, Польши и Швейцарии, поставили свои подписи – уже упомянутые Линдхаген и Стрём, а также редактор «Politiken» Карл Карльсон, журналист Карл Чильбум, поэт и писатель Туре Нёрман и секретарь *норвежского социалистического союза молодежи* Арвид Хансен<sup>31</sup>.

Все закончилось обильным завтраком, и Радек по этому поводу сострил: «Швеция отличается от всех других стран тем, что там по всякому поводу устраивается завтрак, и когда в Швеции произойдет социальная революция, то будет сначала устроен завтрак в честь уезжающей буржуазии, а после – завтрак в честь нового революционного правительства»<sup>32</sup>.

Надо было решать проблему денег. Владимир Ильич обратился к Стрёму: «Мы взяли в долг несколько тысяч крон для поездки у одного швейцарского партийного товарища-фабриканта». Тут Стрём, видимо, что-то запаматовал или не понял. Ибо поручителем за ссуду в 3 тысячи франков, выданную швейцарскими социалистами, стал не фабрикант, а член Совета кантонов, крайне правый социал-демократ Отто Ланг<sup>33</sup>. «Не могли бы вы, – продолжил Ленин, – взять в долг несколько тысяч крон у

---

<sup>29</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 139, 152.

<sup>30</sup> В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 46, 47.

<sup>31</sup> Там же.

<sup>32</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 132.

<sup>33</sup> Там же. С. 53, 203.

нескольких рабочих организаций; трудно ехать через вашу протяженную страну и через Финляндию. Я обещал, – пишет Стрём, – попытаться и позвонил нескольким профсоюзным руководителям, нашему издателю и Фабиану Монссону, чтобы провести сбор денег в риксдаге. Фабиан достал несколько трехсотенных. Он пошел, между прочим, к Линдману, который был министром иностранных дел. “Я подпишусь охотно на сотню крон, только бы Ленин уехал сегодня”, – сказал Линдман. Несколько буржуазных членов риксдага подписались потому, что Фабиан сказал: “Они будут завтра управлять Россией”. В это Фабиан совершенно не верил, но это помогло... Мы собрали несколько сотен крон, и Ленин был доволен... Таким образом, он мог расплатиться за отель и за билеты до Хапаранды»<sup>34</sup>. Наконец, в Русском генеральном консульстве Владимир Ильич получил и официальное свидетельство № 109 о проезде всей группы эмигрантов в Россию.

Оставались незавершенными некоторые другие дела. Еще утром Ленин попросил Стрёма похлопотать о свидании с находившимся в тюрьме Карлом Хёглундом. Но власти отказали, и тогда, вместе со Стрёмом, он послал Хёглунду телеграмму: «Желаем скорого возвращения на свободу, к борьбе!» Отправили телеграмму и в Петросовет – Чхеидзе, которую, помимо Ленина, подписали Миха Цхакая и Давид Сулиашили, с просьбой обеспечить группе беспрепятственный проезд через русскую границу<sup>35</sup>. Подпись Цхакая имела особый смысл: именно он в давние времена вовлек Чхеидзе в ряды российской социал-демократии.

Все, таким образом, складывалось удачно, хотя вполне могла случиться и неприятность. Опасность исходила от того же Парвуса. Зная о том, что канцлер Германии Бетман-Гольвег, статс-секретарь иностранных дел Ягов и министр финансов Гельферих недовольны им за явную бездеятельность<sup>36</sup>, Парвус примчался в Стокгольм и через Ганецкого попросил Ленина о встрече якобы от имени Главного Правления германской социал-демократии. Но когда он пришел в гостиницу, Ленин, предупрежденный Ганецким, уже покинул ее. А Ганецкий, Воровский и Радек составили формальный протокол об отказе российских эмигрантов от каких бы то ни было контактов с Парвусом. Впрочем это не помешало ему, получив такую пощечину и, естественно, умолчав о ней, доложить своему шефу Брокдорф-Ранцау о том, что с русскими большевиками он все-таки встретился<sup>37</sup>.

Во второй половине дня Ленин провел совещание. Поскольку оба члена Загра-

---

<sup>34</sup> См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР». (1963. № 5. С. 18).

<sup>35</sup> См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 48; «Заря Востока», Тифлис, 1925, 17 января.

<sup>36</sup> См.: Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». С. 41, 42, 44, 45.

<sup>37</sup> См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 132; Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». СС. 69, 70.

ничной коллегии ЦК – он и Зиновьев – возвращались на родину, решено было оставить в Стокгольме Заграничное представительство ЦК в составе Воровского, Ганецкого и Радека. Им были даны все необходимые инструкции и переданы деньги, оставшиеся у Заграничной коллегии – 300 шведских крон и облигации шведского государственного займа той же стоимости, в которые – в свое время – вложил партийные деньги Шляпников<sup>38</sup>.

И, наконец, поскольку Радек оставался в Швеции, его место в составе группы возвращавшихся в Россию решено было предоставить польскому социал-демократу, находившемуся в Стокгольме, Александру Гранасу. Поэтому численность группы осталась неизменной – 32 человека<sup>39</sup>.

Все дела были закончены, и Радек потащил Ленина и Зиновьева по магазинам. «Вероятно, добропорядочный вид солидных шведских товарищей, – писал Радек, – вызвал у нас страстное желание, чтобы Ильич был похож на человека». Купили ботинки, стандартный темно-коричневый костюм. И каждый раз Владимир Ильич упирался: «Не думаете ли вы, что я собираюсь открыть в Петрограде лавку готового платья?» Зиновьев вспоминал: «Машинально ходили по улицам, машинально что-то закупали из самого необходимого для поправления неказистого туалета В.И. и других и чуть ли не каждые полчаса справлялись о том, когда же уходит поезд...»<sup>40</sup>

Вернулись в гостиницу, где шведы устроили прощальный обед, а оттуда, с вещами, двинулись на вокзал. На перроне, вместе с провожающими, устроили митинг. «Когда наши уже погрузились, – пишет Радек, – какой-то русский, сняв шляпу, начал речь к Ильичу. Пафос начала речи, в которой Ильич чествовался как “дорогой вождь”, заставил Ильича приподнять немножко котелок, но... дальнейший смысл его речи был приблизительно таков: смотри, дорогой вождь, чтоб ты там в Петрограде не наделал никаких гадостей. Смущение, с которым Ильич прислушивался в первом лестным фразам речи, уступило место лукавой улыбке». Провожающие запели «Интернационал» и в 18 часов 37 минут поезд тронулся в путь<sup>41</sup>.

«Как только мы расположились в купе, – рассказывает Давид Сулиашвили, – Ленин достал кипу газет, улегся на верхней койке, зажег электричество и начал читать газеты...» Наступила ночь. В купе было тихо и уютно. Слышно было только шуршание газет и негромкие восклицания Владимира Ильича: «Ах, каналы! Ах, изменники!» А утром, когда все проснулись, в коридоре вагона провели собрание. Чтение питерских газет наводило на размышления. Условились, что все переговоры на границе

---

<sup>38</sup> См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 132, 133.

<sup>39</sup> См.: Ермолаева Р.А., Манусевич А.Я. Ленин и польское рабочее движение. М., 1971. С. 402.

<sup>40</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 123, 132.

<sup>41</sup> Там же. С. 133.

будут вести Ленин и Цхакая, и договорились о том, как вести себя в случае ареста или политического процесса в Петрограде<sup>42</sup>. Остаток дня и добрую половину ночи, пока поезд тащился по Швеции, Владимир Ильич вновь сидел над газетами, прихваченными из Стокгольма документами, делал записи, пытаясь собрать воедино все свои мысли о событиях, происходивших в России.

15 (2) апреля «ранним морозным утром, – пишет Елена Усиевич, – мы высадились в маленьком рыбацьем городке Хапаранда и через несколько минут столпились на крылечке небольшого домика, где за гроши можно было получить чашку черного кофе и бутерброд. Но нам было не до еды. Перед нами простирался замерзший еще в это время года залив, а за ним – за ним территория России, город Торнео и развещающийся на здании вокзала красный флаг... Мы молчали от волнения, устремив на него глаза»<sup>43</sup>.

Владимир Ильич зашел в русское консульство и получил на группу 300 крон пособия, полагавшегося – из Татьянинского фонда – всем возвращавшимся политэмигрантам, и заплатил за 32 билета III класса до Петрограда<sup>44</sup>. Между тем «к крылечку подъехало десятка полтора саней спряженными в них маленькими мохнатыми лошадами. Мы стали попарно рассаживаться... Я вдруг вспомнила, – пишет Елена Усиевич, – что в чемодане у меня лежит маленький красный платочек... Я достала его, привязала к взятой у мужа альпийской палке... В это время сани Владимира Ильича объезжали наши, чтобы стать впереди процессии. Владимир Ильич, не глядя, протянул руку, я вложила в нее свой флаг. Все сани сразу тронулись. Владимир Ильич высоко поднял над головой красный флаг, и через несколько минут, со звоном бубенчиков, с поднятым над головой Ленина маленьким флажком, мы въехали на русскую территорию... В Торнео каждого из нас окружила толпа рабочих, солдат, матросов, посыпались вопросы, ответы, разъяснения... “Смотрите, дорвались!” – сказала мне Надежда Константиновна, кивая на нескольких наших особенно горячих агитаторов...”<sup>45</sup>

Но дальше пришлось иметь дело не с приветливыми русскими солдатами-пограничниками, а с английскими офицерами, командовавшими на финской границе. Они были грубы и бесцеремонны. И это сразу испортило всем настроение.

Дело в том, что после того, как попытка удержать эмигрантов в Швейцарии лопнула, английские власти решили остановить их в Швеции. Из дневника лидера шведской социал-демократии Э.Пальмшерна известно, что якобы вынашивались даже планы убийства Ленина. Но, взвесив все за и против, решили от «крайних мер» отка-

---

<sup>42</sup> См.: «Заря Востока», Тифлис, 1925, 17 января.

<sup>43</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 153.

<sup>44</sup> В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 52.

<sup>45</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 153.

заться и организовать в России соответствующую клеветническую кампанию, как говорится, – убить и политически, и морально<sup>46</sup>.

Однако отказать себе в удовольствии поиздеваться над политэмигрантами английские офицеры, конечно, не могли. Начали с Платтена. Ему сразу сказали, что в Питере его немедленно арестуют. А когда Фриц ответил, что готов и на это, разговор прервали и заявили, чтобы он под конвоем убирался назад в Хапаранду, ибо в пересечении границы ему отказано. А остальных, тоже под военным конвоем, в 4 часа отправят в Питер<sup>47</sup>.

Случившееся с Платтеном не стало неожиданностью. Возможность такого варианта обсуждалась еще в поезде. Тогда кто-то из молодых затеял спор: а что, если Фрица не пропустят в Россию? Он был всеобщим любимцем, поэтому решили – в знак протеста – русскую границу не пересекать пока не добьемся для него разрешения. Молодым это показалось ужасно благородным актом солидарности. И они пошли по вагону собирать подписи. Принесли документ Ленину. «Едва бросив на него взгляд, он спокойно спросил: “Какой идиот это писал? Английское и русское правительство сделают все, чтобы не пропустить нас. И мы сами откажемся?” Тут только мы, – пишет Елена Усиевич, – без всяких дальнейших объяснений, поняли, до чего это было глупо...»<sup>48</sup>

Тем не менее, когда Платтен рассказал о решении англичан, Ленин предложил задержаться всей группе и немедленно послал телеграмму в Питер, в бюро ЦК РСДРП, с просьбой ускорить получение пропуска для Платтена. С Фрицем было договорено, что три дня он будет ждать ответа в Хапаранге. «Однако, – пишет Платтен, – не желая служить препятствием для их дальнейшей поездки, я настойчиво просил оставить меня в Швеции»<sup>49</sup>.

Тогда англичане пошли на другую провокацию... Все, кто писал о том, что происходило тогда в Торнео, особо отмечали: обыск, учиненный англичанами, носил умышленно оскорбительный характер. И только 52-летний Миха Цхакая пояснил: офицеры не ограничились тем, что шарили в вещах и по карманам, они «подвергли нас унизительному обыску, раздев Ильича и меня до гола...»<sup>50</sup>

Но спровоцировать скандал и на сей раз не удалось. Все эмигранты заполнили опросные листы, а Ленин буквально «впилс в газетные столбцы» купленной на вокзале «Правды». Зиновьев рассказывает: «В.И. качает головой, с укором разводит руками: прочел известие о том, что Малиновский оказался-таки провокатором. Даль-

---

<sup>46</sup> См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 22).

<sup>47</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 59, 60.

<sup>48</sup> Там же. С. 150.

<sup>49</sup> Там же. С. 60.

<sup>50</sup> «Комсомольская правда», 1937, 16 апреля; «Красная звезда», 1940, 22 апреля.



ше, дальше. Настоящую тревогу вызывают у В.И. некоторые недостаточно выдержанные с точки зрения интернационализма статьи в первых номерах “Правды”. Неужели?... Ну, мы с ними “повоюем”...»<sup>51</sup>

А время идет. 16 часов, указанные англичанами для отправки, прошли. Лишь вечером подается состав, и группа начинает грузиться в отдельный вагон. В 20 часов 8 минут Владимир Ильич дает телеграмму сестрам – Марии и Анне Ульяновым: «Приезжаем понедельник, ночью, 11. Сообщите “Правде”»<sup>52</sup>. Английские офицеры слово сдержали: до Питера эмигрантов будет сопровождать вооруженный конвой под командованием поручика.

Всю ночь и весь день поезд шел по Финляндии. «Было уже все милое, свое – плохенькие вагоны третьего класса, – рассказывает Крупская... – На перронах станций, мимо которых проезжали, стояли гурьбой солдаты. Усиевич высунулся в окно. “Да здравствует мировая революция!” – крикнул он. Недоуменно посмотрели на едущих солдаты»<sup>53</sup>.

Владимир Ильич пытался сосредоточиться, писать. Но не давала покоя мысль, что те, для кого он искал слова, к кому собирался обратиться там – в Петрограде, – они уже здесь, рядом. Что конвойные солдаты, молоденький офицер – это и есть те самые реальные люди, которые совершали революцию. И чувствовалось, что им тоже хотелось бы потолковать с этим «главным революционером».

Командовавший конвоем поручик, бледнея от волнения, несколько раз заглядывал в купе, где ехал Ленин. Но заговорить так и не решился. И только когда Владимир Ильич и Крупская «перешли в соседний пустой вагон, подсел и заговорил... Поручик был оборонцем, – рассказывает Надежда Константиновна, – Ильич защищал свою точку зрения – был тоже ужасно бледен. А в вагон мало-помалу набирались солдаты. Скоро набился полный вагон. Солдаты становились на лавки, чтобы лучше слышать и видеть того, кто так понятно говорит против грабительской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица». Сюда прибежал и маленький Роберт. Он мгновенно «очутился на руках какого-то пожилого солдата, обнял его ручонкой за шею, что-то лопотал по-французски, и ел творожную пасту, которой кормил его солдат»<sup>54</sup>.

«В.И., – пишет Зиновьев, – буквально “впился” в этих солдатиков. Пошли разговоры о земле, о войне, о новой России. Особая, достаточно хорошо известная манера В.И. подходить к рядовым рабочим и крестьянам сделала то, что через самое короткое время установилось великолепное товарищеское взаимоотношение... Но

---

<sup>51</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 124.

<sup>52</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 434.

<sup>53</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 119-120.

<sup>54</sup> Там же. С. 119-120.

солдаты-оборонцы стоят на своем». Их нисколько не смущает, что собеседник явно из «образованных». У них своя точка зрения.

Собственно, все это – слово в слово – он уже слышал в Цюрихе от Михалева. Значит то, что говорил Кондрат – не единичное мнение, а распространенное убеждение. Поэтому и этих солдат «В.И. уже через час беседы окрестил “добросовестными оборонцами”... Первый вывод, который делает В.И.: оборончество – еще большая сила. В борьбе с ним нам нужна твердая настойчивость. Но столь же необходимы терпение и умелый подход»<sup>55</sup>. Так вспоминал об этом эпизоде Григорий Зиновьев. Ему запомнилось то, что сказал Ленин и его политическая оценка собеседников. Но для самого Владимира Ильича главным оказалось другое...

В письме от 26 марта Коллонтай писала ему: «Народ переживает опьянение совершенным великим актом. Говорю “народ” потому, что на первом плане сейчас не рабочий класс, а расплывчатая, разнокалиберная масса, одетая в солдатские шинели. Сейчас настроение диктует солдат. Солдат создает и своеобразную атмосферу, где перемешивается величие ярко выраженных демократических свобод, пробуждение сознания гражданских равных прав и полное непонимание той сложности момента, какой переживаем»<sup>56</sup>. Оказалось, что Александра Михайловна не совсем права, а в чем-то и совсем неправа...

Спустя несколько часов, уже в Петрограде, в разговоре с членами ЦК и ПК РСДРП, он вспомнил не о том, как спорил с «добросовестными оборонцами», а о том – как и что говорили эти солдаты: «Надо было слышать, с какой убежденностью они говорили о необходимости немедленного окончания войны, скорейшего отобрания земли у помещиков. Один из них, – продолжал Ленин, – наглядно показал, как надо окончить войну. Он сделал очень энергичное движение рукой, как бы с силой вбивая что-то глубоко в пол, и сказал: “штык в землю – вот как окончится война!” И тут же прибавил: “но мы не выпустим винтовок из рук, пока не получим землю”. А когда я заметил, что без перехода власти к рабочим и крестьянам невозможно ни прекратить войну, ни наделить крестьян землей, солдаты полностью со мной согласились»<sup>57</sup>. Так записал рассказ Владимира Ильича Николай Подвойский.

На следующий день, выступая с «Апрельскими тезисами» перед большевиками, Ленин тоже вспомнил о беседе в вагоне и о том, как этот солдат – крестьянин, не желавший выпускать винтовку из рук, представлял себе аграрную реформу: «Тамбовский мужик [говорил]... За одну десятину платить не нужно, за вторую – 1 руб., за

---

<sup>55</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 124, 125.

<sup>56</sup> РГАСПИ. Фонд 134, оп. 1, д. 272, л. 48.

<sup>57</sup> Яковлев Б.В. Ленин. Страницы автобиографии. М. «Молодая гвардия», 1967. С. 555. Верстка книги, запрещенной цензурой, хранится в РГАСПИ (фонд 71, оп. 51, д. 94).

---

третью – 2 руб. Мы землю возьмем, а помещик не сможет уже ее отобрать»<sup>58</sup>.

Спустя неделю, 23 (10) апреля, в брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции», Ленин напишет: «Войну нельзя кончить “по желанию”. Ее нельзя кончить решением одной стороны. Ее нельзя кончить, “воткнув штык в землю”, употребляя выражение одного солдата-оборонца». Еще через неделю, в статье «Наши взгляды», он повторит: «Войну невозможно кончить ни простым втыканием штыков в землю, ни вообще односторонним отказом одной из воюющих стран». И даже через два года он будет вспоминать об этом разговоре в поезде с безымянным солдатом<sup>59</sup>.

А тогда, в вагоне, дискуссия продолжалась. Сюда подошли другие эмигранты. Но когда молодые революционеры слишком уж категорично начинают «давить» на собеседников, Ленин, кивая на солдат, укоряет Усиевича, Сафарова, Давида Сулиа-швили: «Вы слушайте, слушайте...»<sup>60</sup> А сам уходит в купе. Первое волнение от встречи прошло. Мысли, вынашивавшиеся с первых дней революции, излагавшиеся в статьях и «Письмах издалека», приобретают еще более четкую форму, выстраиваются в строгой последовательности... И он пишет первоначальный набросок «Ап-рельских тезисов».

В 9 часов вечера поезд остановился на станции Белоостров. На перроне их встречают: Шляпников, Коллонтай, Сталин, Каменев, Мария Ульянова и другие. Здесь же около четырехсот сестрорецких рабочих, приехавших для встречи во главе с Вячеславом Зофом, Николаем Емельяновым и Людмилой Сталь. Рабочие подхватили Ленина на руки, внесли в станционный буфет, поставили на табуретку и Владимир Ильич произнес свою первую в России краткую речь. Людмила Сталь предлагает Крупской сказать несколько слов работницам, но от волнения, пишет Надежда Константиновна, «у меня пропали все слова...»<sup>61</sup>

Поезд, вместе с встречавшими членами ЦК и ПК РСДРП, движется дальше. А «в тесном полутемном купе третьего класса, освещенном огарком свечи, происходит первый обмен мнениями. В.И. забрасывает товарищей рядом вопросов». И в конце – самый животрепещущий: «Будем ли мы арестованы...? Встречающие нас друзья определенного ответа не дают, но загадочно улыбаются»<sup>62</sup>. Если бы они знали то, что теперь знаем мы, оснований для улыбок было бы меньше.

Дело не только в том, что в составе воинской команды, сопровождавшей эмигрантов от Торнео, ехали четыре сотрудника контрразведки с документами на всю группу, которую они должны были сдать на Финляндском вокзале в Питере комисса-

<sup>58</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 110.

<sup>59</sup> Там же. С. 161, 281.

<sup>60</sup> См.: «Заря Востока». Тифлис. 1925, 17 января.

<sup>61</sup> Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 120, 125.

<sup>62</sup> Там же. С. 125.

---

ру Временного правительства<sup>63</sup>. Важнее другое: именно в Белоострове могло случиться нечто более серьезное...

Начальник контрразведки Петроградского Военного округа Борис Никитин оставил на сей счет обстоятельные воспоминания. В самом конце марта, рассказывает он, к нему явился представитель английской контрразведки и передал «список предателей в 30 человек, во главе которых стоит Ленин... Их пропустила Германия и они примерно дней через пять придут к нашей границе». Выясняется, что МИД без санкции Совета не может запретить им въезд. Зато Главный военный прокурор генерал Апушкин дает санкцию Никитину: «Делайте, что хотите, только бы добиться результатов».

«Вызываю телеграммой, – продолжает Никитин, – коменданта Белоострова, есаула Савицкого... “Вот вы, – говорю ему, – все просите у меня живого дела. Вам так хочется вынуть шашку и пройти лавой весь Белоостров. Так я вам даю задачу много проще: силой, или как хотите, но не пропустите их через границу”». Результат известен: есаул не упомянул о четырехстах сестрорецких оружейниках, а только сказал потом Никитину, имея в виду своих казаков: «Люди не вышли»<sup>64</sup>.

3 (16) апреля 1917 года в 23 ч. 10 м. поезд прибывает на перрон Финляндского вокзала Петрограда.

Информация «Правды»: «В 11 ч. 10 м. подошел поезд. Вышел Ленин, приветствуемый друзьями, товарищами по давнишней партийной работе. Под знаменами партии двинулся он по вокзалу, войска взяли на караул... Идя дальше по фронту войск, шпалерами стоявших на вокзале и державших “на караул”, проходя мимо рабочей милиции, Н. Ленин всюду был встречаем восторженно». В «царской» комнате вокзала его уже ждали представители Петросовета во главе с Чхеидзе...

Дальнейшее живописует Николай Суханов: «Во главе небольшой кучки людей, за которыми немедленно снова захлопнулась дверь, в “царскую” комнату вошел или, пожалуй, вбежал Ленин, в круглой шляпе, с измятым лицом и роскошным букетом в руках. Добежав до середины комнаты, он остановился перед Чхеидзе, как будто натолкнувшись на совершенно неожиданное препятствие. И тут Чхеидзе произнес следующую “приветственную речь”... “Мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита революции от всяких на нее посягательств как изнутри, так и извне. Мы полагаем, что для этой цели необходимо не разъединение, а сплочение рядов всей демократии. Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели...” Ленин, видимо, хорошо знал, как отнестись ко всему этому. Он стоял с таким видом, как бы все происходящее ни в малейшей степени его не касалось: осматривался по сторонам, разглядывал окружающие лица и даже потолок

---

<sup>63</sup> См.: «Известия», 1977, 15 апреля, с. 2.

<sup>64</sup> Никитин Б.В. Роковые годы. Париж, 1937. С. 22, 57, 58.

---

“царской” комнаты, поправлял свой букет “довольно слабо гармонизировавший со всей его фигурой”, а потом, уже совершенно отвернувшись от делегации Исполнительного Комитета, “ответил” так: “Дорогие товарищи солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас как передовой отряд всемирной пролетарской армии...”»<sup>65</sup>

Встреченный многотысячным «ура», Ленин выходит на ступеньки вокзала. Ему помогают подняться на броневик. Он потоптался на площадке у пулеметной башни, словно проверяя машину на прочность, отдал букет. Но ему явно мешал и котелок, как мешал он потом скульпторам, ваявшим знаменитый памятник на площади у вокзала и заменившим шляпу на пролетарскую кепку. И только сняв котелок, Владимир Ильич начинает говорить...

Информация «Правды»: «...Стоя на броневом автомобиле тов. Ленин приветствовал революционный русский пролетариат и революционную русскую армию, сумевших не только Россию освободить от царского деспотизма, но и положивших начало социальной революции в международном масштабе...»<sup>66</sup>

«Тот, кто не пережил революции, – вспоминала Крупская, – не представляет себе ее величественной, торжественной красоты. Красные знамена, почетный караул из кронштадтских матросов, рефлекторы Петропавловской крепости от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, броневики, цепь из рабочих и работниц, охраняющих путь.

...Нас привезли в дом Кшесинской, где помещались тогда ЦК и Петроградский комитет. Наверху был устроен товарищеский чай, хотели питерцы организовать приветственные речи, но Ильич перевел разговор на то, что его больше всего интересовало, стал говорить о той тактике, которой надо держаться. Около дома Кшесинской стояли толпы рабочих и солдат. Ильичу пришлось выступать с балкона...

Потом мы поехали домой, к нашим, к Анне Ильиничне и Марку Тимофеевичу [Елизарову]... Нам отвели особую комнату. Мальчонка, который рос у Анны Ильиничны, Гёра, по случаю нашего приезда над обеими нашими кроватями вывесил лозунг: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” Мы почти не говорили с Ильичом в ту ночь – не было ведь слов, чтобы выразить пережитое, но и без слов было все понятно.

Когда мы остались одни, Ильич обвел комнату глазами... Почувствовалась реальность того факта, что мы уже в Питере, что все эти Парижи, Женевы, Берны, Цюрихи – это уже действительно прошлое»<sup>67</sup>.

<sup>65</sup> Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3-4. М., 1991. С. 6-7.

<sup>66</sup> «Правда», 1917, № 24, 5 апреля.

<sup>67</sup> Воспоминания о В.И.Ленине. Т. 1. С. 441, 442.

---

## ЛЕНИН. НАСИЛИЕ И ТЕРРОР

*Краус Тамаш — доктор философии,  
профессор, Будапештский  
университет (Венгрия)*

Со времени распада СССР представители различных направлений в исторической науке пытаются путем «деконструкции» структуры «историче-

ского повествования» втиснуть все наследие Ленина в нарратив насилия и террора.

В действительности у Ленина не было специальной теории насилия и террора, хотя его взгляды и действия в этой области могут быть реконструированы с необходимой полнотой. В конце XIX — начале XX в. революционеры не отрицали неизбежности насилия в процессе революционных изменений. Ленин был знаком с теоретическими рассуждениями, которые сформулировал Энгельс в полемике с Дюрингом, который тоже признавал определенную роль насилия, но лишь со свойственной ему осмотрительностью, что вызвало заметный гнев Энгельса. «Лишь со вздохами и стонами допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйничанья понадобится, может быть, насилие - к сожалению, изволите видеть, ибо всякое применение насилия деморализует, дескать, того, кто его применяет. И это говорится несмотря на тот высокий нравственный и идейный подъем, который бывал следствием всякой победоносной революции».<sup>1</sup>

Таким образом, Ленин унаследовал ту концептуальную основу, согласно которой источники насилия в истории выводятся из экономических противоречий, противоположности интересов, классового угнетения в современном обществе. Конечно, история XX в. показывает, что существует огромная разница между теоретическим подходом к насилию и его практическим применением. В этой связи определяющую роль сыграло то, что в ходе борьбы за власть во время гражданской войны в России столкнулись такие непримиримые политические и социально-экономические интересы, теоретические и культурные традиции и «логики», которые концентрированно вызвали к жизни самые ужасные формы насилия. Политическая классовая борьба велась в России до самых крайних пределов. Однако революция не только не принесла прекращения насилия и террора, но и распространила его применение в самых различных формах и с различным содержанием, не говоря уж о дальнейшей, одно- временно сложной и ужасной истории насилия.<sup>2</sup>

---

<sup>1</sup> Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. In: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. М., 1961. С. 189.

<sup>2</sup> Об этой истории см. наш сборник: GULAG. A szovjet táborrendszer története. Tanulmányok és dokumentumok. Szerk.: Krausz Tamás. Pannonic. Budapest, 2001.

---

В незаконченной работе *Молодой Ленин* Л.Б. Троцкий верно отметил, что Ленин в течение нескольких лет разработал взвешенную точку зрения, касающуюся террора,<sup>3</sup> суть которой в том, что обычно террор является лишь вспомогательным средством политической и вооруженной борьбы и должен применяться только в крайнем случае. Уже после поражения восстания 1905 г. Ленин рассматривал террор и всякие партизанские акции в качестве средства вооруженного восстания и связывал его с государственной тиранией. Классическим воплощением этой позиции этого стала написанная в августе 1906 г. статья *К событиям дня*. Название статьи действительно выражает ее суть, поскольку Ленин высказал свое мнение о терроре как технике политической и вооруженной борьбы в связи с такими событиями, как нападения на полицию в Варшаве и других польских городах, покушение на Столыпина и успешная акция, в ходе которой эсерка З.В. Конопляникова 13 августа 1906 г. убила генерала Г.А. Мина, руководившего кровавым подавлением московского вооруженного восстания. Ленин считал, что политическая необходимость в таких выступлениях определяется тем, как, благоприятно или неблагоприятно для социалистов, они влияют на «настроение масс». Он утверждал, что вооруженные партизанские выступления допустимы как метод борьбы с самодержавием, с государственной тиранией, но отвергал их как метод «экспроприации частных имуществ», поскольку революция воюет не с отдельными лицами, а с режимом, поэтому, как отметил Ленин, партия в принятой на съезде резолюции правильно «отвергает совершенно экспроприацию частных имуществ», признавая при этом «*неизбежность активной борьбы против правительственного террора и насилий черносотенцев*», включая «убийство насильников» и захват оружия полицейских и вообще «оружия и боевых снарядов, принадлежащих правительству».<sup>4</sup>

Год спустя, уже после победы контрреволюции, Ленин, обобщив накопленный опыт, считал, что террористический ответ на террор властей только усугубил бы масштабы поражения. По его мнению, в т.н. мирное время применение террористических средств было бы бессмысленным и вредным с точки зрения революционной борьбы, массового движения. В конце III конференции РСДРП, проходившей в г. Котке (Финляндия) 21–23 июля (3–5 августа), на заседании большевистской фракции Ленин и Рожков сделали заявление, в котором отвергали *метод террора*. В сложившейся тогда ситуации метод террора был нецелесообразным, поскольку, как говорилось в заявлении, «сейчас единственным методом борьбы должна являться научная пропаганда и Государственная дума как агитационная трибуна». Ленин и

<sup>3</sup> См.: Trotsky L. Young Lenin. New York, 1972. Наша ссылка дана по русскому переводу этой книги: Троцкий Л. Дневники и письма. Под ред. Ю. Фельштинского. Harvard, Houghton Library, Hermitage, 1986. С. 190–191.

<sup>4</sup> Ленин В. И. ПСС. Т. 13. С. 366–367.

---

Рожков даже грозили уходом из партии, если их товарищи отклонят их заявление.<sup>5</sup>

### Стихийность и организованность

В новой исторической науке уже обращалось внимание на то обстоятельство, что революционная перестройка 1917 года проходила в различных социальных плоскостях с применением различных средств и при участии социальных слоев, располагавших различным культурным уровнем и психологическо-ментальными характеристиками. Начиная с 1914 г., значительные социальные группы населения были затронуты определенным культом насилия.<sup>6</sup> Не приуменьшая значения специфических российских традиций насилия как «благоприятной почвы» для его проявления в будущем,<sup>7</sup> нужно сказать, что основным источником современного насилия была сама мировая империалистическая война, расшатавшая и без того колебавшиеся институты и структуры социального сотрудничества и морально освободила и высвободила убийственные инстинкты, после чего средства, применявшиеся «общинной революцией», легко распространились при посредничестве вооруженных солдат из крестьян.<sup>8</sup>

Таким образом, в период гражданской войны советская власть не получала «снизу», со стороны своей непосредственной социальной базы импульсов, которые *ограничивали бы применение насилия*. В свою очередь, развертывание монархистской военной контрреволюции лишь усиливало применение насилия новой властью как важнейшее средство ее выживания. Собственно говоря, контрреволюция, по крайней мере, в историческом аспекте, является частью революции. Уже в феврале–марте 1917 г. во многих крупных городах прошли уличные бои, а затем последовали июльские дни, корниловское восстание, стихийные крестьянские восстания, а осенью – октябрьский захват власти большевиками в Петрограде и Москве. Вслед за этим революция пронеслась по всей России. И все же психология гражданской войны зародилась не в вооруженных столкновениях 1918 г. и не в иностранной интервенции, а в царистском режиме, в течение столетий угнетавшем народы, и в потоках крови I мировой войны. На этой «благодатной» для насилия почве выросли насилие и тер-

---

<sup>5</sup> В.И. Ленин. Известные документы. С. 27.

<sup>6</sup> См.: Булдаков В. Красная смута.

<sup>7</sup> См. Евреинов Н. История телесных наказаний в России. СПб. 1913.

<sup>8</sup> Buharajev V. 1917 – Az obscsina-forradalom pittuszi gyözelme. In: 1917 és ami utána következett. P. 47–48. Характеризуя традиционный крестьянский образ жизни, автор пишет о том, что в 1917 г. реализовывались соображения этики выживания: Крестьяне стремились защитить от насилий «своих» помещиков, новых помещиков, конечно уже не щадили. Сельская община была беспощадна с теми, кто использовал землю не в традиционных целях натурального хозяйства, а ждал от нее прибыли, с купцами, банками и всеми, кто непосредственно не занимался обработкой земли. Там же.

---



пор послеоктябрьской эпохи с характерными для них средствами и институтами. Следовательно в причинно-следственном аспекте революция была не причиной, а скорее следствием насилия.<sup>9</sup> Среди причин революции решающую роль играла мировая война.

После взятия власти теоретической и политической основой позиции Ленина было то, что слабость и нерешительность новой власти может лишь увеличить силу и шансы старых правящих классов, их контрреволюционного сопротивления. Ленин считал смешным, что в первые недели, месяцы после революции большевики отпустили под честное слово не только нескольких министров Временного правительства участников юнкерского бунта 29-го октября, но и самого жестокого, позже активно поддерживавшего фашистов казачьего генерала Краснова, который, вместе со многими юнкерами, немедленно продолжил вооруженную борьбу с советской властью.

Ленин, конечно, видел, что эскалация террора трояко коренилась в российской действительности. В России 1917 г. уже чувствовались наследие первой мировой войны и обострение внутренней классовой борьбы, зародился вирус гражданской войны на взаимное уничтожение. В наши дни при изучении истории послереволюционного террора многие, в соответствии с новым канонем, забывают о том, что генерал-монархист Л.Г. Корнилов уже в январе 1918 г. дал Добровольческой армии приказ «пленных не брать».<sup>10</sup> Это был уже тот голос террора, который предвещал повседневные ужасы гражданской войны, выход террора из-под контроля.<sup>11</sup> Процесс эскалации насилия определялся не какими-либо предварительными теориями, его нельзя было предвидеть в его уникальности. В нем в комбинации, обусловленной конкретными обстоятельствами, сочетались русская революционная традиция (например, «пугачевщина») и определенные составные части марксистской теории (например, «диктатура пролетариата»).

Не отрицая роль кровопролития в традиции бунтов против самодержавной вла-

---

<sup>9</sup> Из революции, из некоей необъяснимой болезненной мании власти, присущей Ленину и большевикам, выводит красный террор Ю.Г. Фельштинский, сотрудник Архива Троцкого Хогтонской библиотеки Гарвардского университета, получивший известность еще в 1980-е гг. Фельштинский Ю.Г. О терроре и амнистиях первых революционных лет. In: ВЧК—ГПУ. Документы и материалы. (Ред. Ю. Г. Фельштинский). Изд-во гуманитарной литературы. М., 1995. С. 3–25.

<sup>10</sup> Иоффе Г. З. Белое дело. Генерал Корнилов. Л., 1989. С. 233.

<sup>11</sup> В уже упомянутой работе В. И. Миллер отметил, что насилие и террор пустили такие глубокие корни во время гражданской войны, что их «воздействие» чувствовалось и десятилетиями позже в таких событиях, как уничтожение польских офицеров в Катыни или, например, в акциях власовцев и красновцев, действовавших в составе Вермахта. См. Миллер В.И. Осторожно: история! С. 62.

сти, имеет смысл вспомнить точку зрения Бакунина, которое в другой форме появилась среди ценностей различных революционных течений, в том числе и среди ценностей, которым следовал Ленин. В прокламации *К офицерам Русской армии*, написанной в женевском изгнании в январе 1870 г., в год рождения Ленина (Ленин, видимо, был знаком с этой прокламацией), Бакунин утверждал, что, несмотря на неизмеримые страдания народа, в ходе освободительной борьбы почти не будет кровопролития, если армия выступит на стороне народа. В этом случае «будет только поголовное изгнание за пределы России всех дармоедов и белоручек». «Стенька Разин, – продолжал Бакунин, – который поведет народные массы в будущем, столь явно приближающемся разгроме Всероссийской Империи, будет не богатырь одинокий, а Стенька Разин коллективный».<sup>12</sup> В 1917 г. этот «коллективный Стенька Разин» воплотился в крестьянских восстаниях, в Ленине, в Красной армии и ЧК. Конечно, теория, которой Ленин оправдывал революционное подавление, восходила не к бакунинским источникам. Диктатура пролетариата как специфический способ отправления власти возникла и стала «материальной силой» в сфере притяжения массовой демократии, причем, как мы видели, с целью сломить сопротивление правящих классов и создать режим непосредственной демократии. В конечном итоге источник проблемы состоял в том, что *подавление* осуществлялось не только по отношению к правящим классам, но и, как было описано выше, по отношению ко всем, кто по каким-либо причинам выступил против распоряжений новой власти. Мы видели и то, как параллельно с углублением террора и насилия постепенно сходилась с повестки дня, превращалась в теоретический или конституционно-правовой вопрос задача расширения непосредственной демократии. Несмотря на то, что Ленин не желал утонуть в водовороте мер по сохранению власти, перерождение великих целей с самого начала было реальной опасностью. Ленин буквально с первого дня революции находился в Кремле как бы на военном посту. Он постепенно усвоил т. н. военное поведение, соответствовавшее чрезвычайной ситуации, хотя, конечно, располагал точными знаниями о неизбежности применения и функциях террора в ходе французской революции или гражданской войны в США. Многие о возникшем положении выясняется из двух телеграмм, отправленные Лениным в первое послереволюционное время. Первая из них была написана 13 (24) января 1918 г.: «Харьков. Народный секретариат, Штаб Антонова, Орджоникидзе. Москва. Главнокомандующему Муралову, Президиуму Совдепа. Мы получили сообщение, что между Орлом и Курском образовался затор, мешающий движению поездов с углем и хлебом. Всякая остановка грозит голодом и остановкой промышленности. Подозреваем саботаж же-

---

<sup>12</sup> Бакунин М. А. К офицерам Русской армии. In: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. «Археографический центр». М., 1997. С. 280, 281.

лезнодорожников в этом месте, ибо там не раз бывали случаи саботажа. Настоятельно просим принять самые беспощадные революционные меры. Просим послать отряд абсолютно надежных людей. Всеми средствами продвигать вагоны с хлебом в Петроград, иначе грозит голод. Сажайте на паровозы по несколько матросов или красногвардейцев. Помните, что от вас зависит спасти Питер от голода. Ленин».

Два дня спустя Ленин снова «умолял» Антонова-Овсеенко и Орджоникидзе: «Ради бога, принимайте *самые* энергичные и *революционные* меры для посылки хлеба, хлеба и хлеба!!! Иначе Питер может околеть. Особые поезда и отряды. Сбор и ссыпка. Провожать поезда. Извещать ежедневно. Ради бога!». <sup>13</sup>

Как уже говорилось выше, основные вопросы, как, например, сбор и транспортировка хлеба, можно было решить лишь военными методами, точнее говоря, в данной ситуации невозможно было обойтись без военных методов, следовательно, Ленин под влиянием обстоятельств начал действовать так, как «принято» на военном положении, и вынужден был импровизировать. На его решения в значительной степени влияли такие разнородные факторы, как недостаток информации, боязнь падения режима, раскрытие настоящих или мнимых заговоров, формирование военной контрреволюции и т.д. <sup>14</sup> Друг рядом с другом сосуществовали стихийно образовавшиеся народные органы, как, например, Военно-революционный комитет (из которого – отчасти вскоре была создана ЧК) и местные советы, с одной стороны, и органы централизации с СНК на вершине, который в принципе был подотчетен ВЦИК, а точнее – Всероссийскому съезду советов, – с другой стороны. В то же время сохранялся сильные патерналистские отношения, на которые смогла опереться власть Центра, более того, личная власть Ленина. Наличие этих различных уровней власти породило своеобразный хаос. Первые решения властей также показывают, что Ленин был вынужден действовать в таких неожиданных ситуациях, о которых едва ли думал раньше. Уже в первые дни революции он столкнулся с проблемой алкоголизма, дезорганизовавшей и часть красногвардейских частей. Хорошее вино и спирт он намеревался продать за границу, чтобы «не отравлять» и не деморализовать местное население. <sup>15</sup> Скоро сложилась и практика взятия заложников, <sup>16</sup> а также заключения органи-

---

<sup>13</sup> Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 29, 30.

<sup>14</sup> Это доказывается ныне уже огромным архивным материалом. Из новых публикаций см., например: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т.1. Ч. 1. ИРИ РАН, The Edwin Mellen Press, N. Y., London, Canada, 2000. Естественно, Ленин тоже получил первые обзорные донесения ЧК-ОГПУ, из которых явствовало, что для широких кругов населения характерно сопротивление советской власти или скорее неопределенное недовольство из-за голода, хаоса и нестабильности.

<sup>15</sup> Так, в записке в Военно-революционный комитет он спрашивал: «Есть ли бумажка от Военно-революционного комитета, чтобы спирт и вина не выли-

зованной оппозиции в концентрационные лагеря как средство и метод «временной изоляции от общества», возникший во время первой мировой войны и даже еще ранее, в период англо-бурской войны.

На эскалацию насилия и террора указывали и другие явления. Огромное возбуждение вызвали террористические акты против деятелей советской власти. К числу наиболее ярких примеров относится убийство одного из руководителей петроградских большевиков В. Володарского, позже, 30 августа 1918 г., был убит председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий, и в тот же день эсерка-фанатичка Ф. Каплан совершила известное покушение на Ленина. Отвечая на «белый контрреволюционный террор», ВЦИК 2 сентября 1918 г. приняло резолюцию, напечатанную на следующий день в *Правде*. В резолюции говорилось, что «на белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и её агентов». Ленин теоретически и практически выступал за массовый, устрашающий террор *государственного* характера. В то же время он по-прежнему отвергал индивидуальный террор, личную месть, считая их бесполезными и бессмысленными. Можно считать символичным случай со служащей Царицынского жилищного отдела Валентиной Першиковой, которая была арестована в марте 1919 г. за разрисовку портрета Ленина, вырванного из какой-то брошюры. Начальник одного из участков царицынской милиции В.С. Усачев и красноармеец Минин обратились к Ленину с просьбой об освобождении Першиковой, в ответ на которую Ленин послал председателю губернской ЧК следующую телеграмму: «За изуродование портрета арестовывать нельзя. Освободите Валентину Першикову немедленно, а если она контрреволюционерка, то следите за ней». На телеграмме сохранилась пометка Ленина о передаче всего материала фельетонистам.<sup>17</sup> Множество документов подтверждает тот факт, что вождь революции даже в кульминационные периоды гражданской войны выступал против чекистских и бюрократических злоупотреблений, совершенных в ущерб «маленьким людям». Вот одна из иллюстраций этого факта. 29 марта 1919 г. Ленин направил Череповецкому губисполкому следующую телеграмму: «Проверьте жалобу Ефросины Андреевой Ефимовой, солдатки дерев-

---

вались, а тотчас были проданы в Скандинавию? Написать ее тотчас». 9(22) ноября 1917 г. ВРК принял соответствующее решение: «Реквизированное вино (30 000 ведер) вывезти за границу». Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 5, 403.

<sup>16</sup> В записке наркому продовольствия А.Д. Цюрюпе, написанной 10 августа 1918 г., Ленин писал: «Я предлагаю „заложников“ не брать, а назначить поименно по волостям. Цель назначения: именно богачи, как они отвечают за контрибуцию, отвечают жизнью за немедленный сбор и ссыпку хлеба. Инструкция такая (назначить „заложников“) дается а) комитетам бедноты, б) всем продотрядам...». Там же. С. 145.

<sup>17</sup> Там же. С. 267, 474–475.

---

ни Новосела, Покровской волости, Белозерского уезда, на отнятые у неё хлеба в общий амбар, хотя у неё муж в плену пятый год, семья – трое, без работника. Результат проверки и ваших мер сообщите мне».<sup>18</sup>

В мышлении и политике Ленина массовый террор времен гражданской войны был самым крайним средством борьбы с врагами, которое он применял в зависимости от конкретных дел, случаев, ситуаций или применения которого он иногда напрасно добивался.<sup>19</sup> В иных ситуациях, однако, он критиковал применение террора и насилия, мотивированных политическим, властным расчетом и социальными, классовыми соображениями. Он часто требовал ограничения применения террора, больше того, прекращения конкретных злоупотреблений властью и наказания виновных сотрудников ЧК. Так, например, в телеграмме М.И. Лацису от 4 июня 1919 г. с ужасом протестовал против положения в ЧК на Украине: «Каменев говорит – и заявляет, что несколько *виднейших чекистов* подтверждают, – что на Украине Чека принесли тьму зла, будучи созданы *слишком рано* и впустив в себя массу примазавшихся. ... Надо подтянуть во чтобы то ни стало чекистов и выгнать примазавшихся».<sup>20</sup> Ленин знал, что и большинство в ЧК составляют полуграмотные, политически неподготовленные молодые люди, включая таких «случайных карьеристов» и «безыдейных» людей, которые появляются везде, где надеются найти власть и материальную обеспеченность.

Таким образом, насилие было не только продуктом прошлого, мировой и граж-

---

<sup>18</sup> Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 272, 476–477.

<sup>19</sup> Письмо Г.Е. Зиновьеву, а также Лашевичу и другим членам ЦК от 26 июня 1918 г.: «Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услыхали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские чекисты или пекисты) удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную. ... Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоеенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает». Там же. С. 106. Телеграмма И.В. Сталину в Царицын. 7 июля 1918 г. в 1 час ночи: «Сегодня около 3-х часов дня левый эсер убил бомбой Мирбаха. Это убийство явно в интересах монархистов или англо-французских капиталистов. Левые эсеры, не желая выдать убийцу, арестовали Дзержинского и Лациса и начали восстание против нас. Мы ликвидируем сегодня же ночью беспощадно и скажем народу всю правду: мы на волосок от войны. У нас заложниками сотни левых эсеров. Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюционеров». Там же. С. 114.

<sup>20</sup> Там же. С. 338. См.: Фельштинский Ю.Г. О терроре и амнистиях. С. 19.

данской войны,<sup>21</sup> но и неотъемлемой частью становления нового строя. Лучше всего это выразилось в том факте, что единственным возможным средством для обуздания самоуправства новой бюрократии тоже была угроза насилия, ведь на создание нового правового порядка ушли позже еще целые годы. Например, в апреле 1919 г. в Княгининском уезде местные власти принуждали крестьян к вступлению в артели и коммуны, что от имени СНК было категорически запрещено Лениным, защищавшим крестьянство, образовывавшее хребет Красной армии: «Недопустимы какие бы то ни были меры принуждения для перехода крестьян к общественной обработке полей. Неисполнение этого будет караться со всей строгостью революционного закона». 10 апреля 1919 г. в газете *Известия ВЦИК* было опубликовано циркулярное письмо, подписанное Лениным и наркомом земледелия С.П. Середой. Вот полный текст этого письма: «В Наркомзем поступили сведения, что в целях организации советских хозяйств, коммун и других коллективных объединений земотделы, упсовхозы отбирают поступившие в пользование крестьян земли нетрудовых владений, вопреки смыслу статьи 9 Положения о социалистическом землеустройстве. Подтверждается недопустимость подобных явлений. Все земли, находящиеся ко времени опубликования Положения о социалистическом землеустройстве в трудовом пользовании крестьян и предоставленные им на основании постановлений или инструкций уездных или губернских земотделов, никоим образом не могут быть отчуждаемы принудительным путем для организации советских хозяйств, коммун и прочих коллективных объединений. Изъятие земель из пользования крестьян для указанных организаций допустимо лишь при добровольном согласии, в порядке землеустройства. Недопустимы меры принуждения для перехода крестьян к общественной обработке, в коммуны и другие виды коллективного хозяйства. Переход к коллективным формам осуществляется лишь при точном соблюдении требований Положения, без всяких принуждений со стороны власти. Неисполнение настоящего распоряжения карается по законам революционного времени. Возможно шире осведомите население о настоящем распоряжении».<sup>22</sup>

Под влиянием Эскалации террора Ленин, – хотя это и замалчивается историками типа Д.А. Волкогонова, Р. Пайпса и Ю.Г. Фельштинского, – был вынужден из властных соображений навести порядок в деятельности ЧК и трибуналов, не исполнявших

---

<sup>21</sup> В обостренной исторической ситуации была использована и такая форма массового террора, как распространившиеся во время мировой войны «концентрационные лагеря» (конечно, не тождественные сталинским, а тем более – гитлеровским): «Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города». Ленин В. И. ПСС. Т. 50. С. 143–144.

<sup>22</sup> Там же. С. 381, 495.

законы и предписания. Во время гражданской войны ведомственные организации могли совершать аресты на основании доносов, без всяких предварительных доказательств. Ленина приводила в гнев открытая бесчеловечность созданных по его инициативе административных властей и органов внутренних дел. Это подтверждается множеством документов, однако вместо их перечисления<sup>23</sup> целесообразнее показать некоторые шаги, предпринятые Лениным для укрощения вышедшего из-под контроля террора, и его позицию по этому вопросу, что, быть может, позволит сделать и некоторые теоретические выводы.

В начале 1922 г. с реорганизацией ЧК и созданием официального *ведомства*, ГПУ, последнему были поставлены задачи защиты советской власти и власти Коммунистической партии, устрашения, вытеснения и административной ликвидации политической оппозиции.<sup>24</sup> На повестку дня было выдвинуто определение правовых рамок террора, что может восприниматься как своего рода юридическое обобщение опыта гражданской войны и появления новой ситуации. Параллельно с прекращением репрессий периода военного коммунизма Ленин искал и в своеобразной форме нашел возможности обуздания влияния новой буржуазии. В мае 1922 г. в связи с формированием революционного правового порядка он решительно высказался за прекращение произвола и «узаконение террора». По поводу проекта Уголовного кодекса РСФСР Ленин писал Д.И. Курскому, что необходимо «открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее *суть и оправдание* террора, его *необходимость, его пределы*. Из замечаний Ленина выясняется, что он стоял за ужесточение мер против политической оппозиции (особенно если речь шла о связи с «международной буржуазией») вплоть до расширения применения «высшей меры наказания» и в то же время «релятивизировал» эту меру, добавив, что она может быть заменена, «высылкой за границу, по решению Президиума ВЦИКа». <sup>25</sup> Таким образом, в свете этого видно основное направление деятельности Ленина. Из сформулированных им документов однозначно выясняется, что крупномасштабное наступление на священников, церковь и буржуазную интеллигенцию, осуществленное в 1922 г., было своего рода «завершением» гражданской войны, изоляцией, изгнанием тех политических противников, которые во время гражданской войны поддерживали из тыла белогвардейцев, монархическую контрреволюцию, антисоветский лагерь и после их поражения сохранили

---

<sup>23</sup> Можно сослаться, например, на письма Н. П. Брюханову от февраля 1919 г. и на телеграмму Ярославскому губисполкому. Там же. С. 260, 256.

<sup>24</sup> Партийные документы, связанные с организацией ОГПУ, см. в кн.: Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. (Под ред. А.Н. Яковлева). МФД. М., 2003. С. 10–27.

<sup>25</sup> Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 189–190.

важные позиции в духовной и политической жизни советского общества. В то же время стало очевидным складывание того катастрофического комплекса взглядов, согласно которому всякая политическая оппозиция причислялась к лагерю контрреволюции.

Донесения ОГПУ о настроениях масс в первую очередь и в основном выражали не, пользуясь словами Теренса Мартина, «глубокое недоверие советского руководства по отношению к народу, боязнь возникновения стихийных беспорядков».<sup>26</sup> Эти документы скорее или в первую очередь выражали то противоречие, что Ленин и советские руководители в то время очень хотели и в то же время не могли, были неспособны соответствовать намеченным ими же целям, не смогли преодолеть те социальные и исторические предпосылки, из которых выросла сама революция.<sup>27</sup>

### **Волна репрессий 1922 г.: завершение гражданской войны**

Необходимо напомнить читателю о том, что с лета 1918 г. Ленин видел главный источник террора в интервенции западных держав. Лишь для примера сошлюсь на политический доклад ЦК, сделанный Лениным на VII Всероссийской конференции РКП(б). В этом докладе Ленин, отвечая на западную критику, обвинявшую советскую власть в терроризме, особо остановился на проблеме террора и заявил: «До сих пор больше всего мелкая буржуазия в Европе обвиняла нас в нашем терроризме, в нашем грубом подавлении интеллигенции и обывателя. На это мы скажем: „Все это навязали нам вы, ваши правительства“. ... Это был настоящий террор, когда против страны, одной из наиболее отсталых и ослабленных войной, объединились все державы. ... Наш террор был вызван тем, что против нас обрушились такие военные

---

<sup>26</sup> См.: «Совершенно секретно». С. 22.

<sup>27</sup> Ежемесячные обзоры ОГПУ, информировавшие советское руководство о настроениях населения, представляли собой новую форму экономической и политической информационной деятельности органов государственной безопасности, появившуюся во второй половине 1921 г. Эти обзоры подготавливались на основе информации областных – губернских органов безопасности и милиции, а также государственных, партийных и профсоюзных организаций. Обзоры, конечно, посылались и Ленину и в хронологически систематизированной форме хранились в его архиве. Третья Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий (июнь 1919 г.) возложила ответственность за сбор политической информации на Секретный отдел ВЧК. В декабре 1921 г. в составе нового Секретно-оперативного управления был создан Информационный отдел (ИНФО). Эта система была еще более усовершенствована при создании ГПУ. В обзорах «следовало отражать настроение „всех групп населения и факторов, влияющих на изменение этих настроений“, в частности связанных с мероприятиями советской власти...». Виноградов В. К. Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества. In: «Совершенно секретно». С. 31, 33, 43, 45 и далее.

---



силы, против которых нужно было неслыханно напрягать все наши силы». С другой стороны, он указал на то, что мелкая буржуазия, средние элементы, интеллигенция с большим трудом переносили тяжесть гражданской войны, поскольку «они десятки лет были привилегированными, но мы должны в интересах социальной революции эту тяжесть возложить и на них». А перенесение этих тягот в интересах победы в гражданской войне требовало, как подчеркнул Ленин, «строжайшей военной дисциплины».<sup>28</sup>

В объяснении нуждается волна репрессий, поднявшаяся в 1922 г. и направленная на подавление сопротивления церковью, буржуазной интеллигенции и политической оппозиции. Прежде всего необходимо выяснить политические причины этих репрессий, ведь гражданская война к тому времени практически завершилась. Во-первых, несомненно, что фоном этой волны репрессий была боязнь социальных и политических следствий *новой экономической политики* в условиях международной изоляции, к тому же со свежим опытом военной интервенции западных держав. Появление новой буржуазии, восстановление рынка и других элементов капитализма, а также связанные с этим социальные, культурные и идеологические конфликты (более конкретно мы остановимся на них позже) породили чувство страха и неопределенности, охватившее руководителей, членов и симпатизантов партии большевиков. Конкретной причиной этого страха было то, что различные силы, противостоявшие советской власти, могли объединиться, так как НЭП, с одной стороны, открывал перед ними более широкие возможности, а с другой стороны, порождал те социальные элементы, которые были способны или казались способными свергнуть советскую власть.<sup>29</sup> Ныне нелегко понять этот страх, однако в этом может помочь исторический подход. Далее, психоз большевиков, связанный с боязнью потерять власть, получил новые импульсы в исторической ситуации, сложившейся после победы в гражданской войне.<sup>30</sup> Белые армии и армии интервентов были разгромлены на полях сражений граж-

---

<sup>28</sup> Ленин В.И. ПСС. Т. 39. С. 354–356.

<sup>29</sup> В своих статьях и прочих документах Ленин и Троцкий часто ссылались *expressis verbis* на то, что НЭП объективно создал «новых» социальных и политических противников советского режима. Об этом свидетельствует написанное тогда письмо Троцкого о взаимоотношениях между партией и государством: Пометка на письме Л.Д. Троцкого членам Политбюро ЦК РКП(б). In: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 513–514. В связи с церковью и высылкой групп интеллигенции см.: там же. С. 515–523, 544–547, 550–559.

<sup>30</sup> Как мы видели, конкретные события и определенный «психоз» были связаны и с введением красного террора летом 1918 г., это отразилось, например, и на судьбе царской семьи. Судьба царя сложилась иначе, чем планировалось заранее, большую роль в ней сыграли спонтанные элементы. Казнь царской семьи (17 июля 1918 г.) обычно служит в современных работах доказательством «кроважности» Ленина, хотя Ленин и советское руководство собира-

данской войны, однако большевистские руководители считали, что военное поражение контрреволюции не повлекло за собой ее полного политического поражения. По их мнению, нетронутой осталась тысячелетняя опора монархии, русская православная церковь с ее организацией и духовно-политическим влиянием, а кроме этого, выжили и контрреволюционные партии, готовые к свержению руководимой большевиками советской власти.

Наиболее дестабилизирующим фактором, составлявшим фон этого психоза, был ужасный голод 1921–22 гг., затронувший примерно 20 миллионов человек. По некоторым данным в результате страшной засухи умерло, в основном в Поволжье, более 5 миллионов человек. Это событие легко могло подорвать легитимацию власти коммунистической партии и её социальных целей и оторвать советскую власть от ее социального базиса. Продолжительный голод и стихийные бедствия с очевидностью показали советским руководителям, в том числе и Ленину, что в длительные лишения изменяют психологию, мировидение людей, их отношение к власти и интеллектуальные возможности. Наряду с энтузиазмом и настоящим героизмом, у очень многих людей наблюдалась деградация личности, на что в свое время обратил внимание и всемирно известный врач, профессор В.М. Бехтерев. Многих доводили до отчаяния борьба с голодом, страдания, «естественность голодной смерти», «благоприятствовавшие» распространению преступности, болезней, эпидемий и сокращению работоспособности.<sup>31</sup>

Начиная с 1916 г. проблема голода была наиболее жгучей для всех российских

---

лись обнародовать преступления царя на открытом судебном процессе. Этот процесс не состоялся по политическим причинам. Между прочим, нет никаких прямых доказательств того, что Ленин лично дал указание о казни царской семьи. Решение было принято в зависимости от актуальной политической и военной ситуации, так как возникли опасения, что царь и его наследники будут освобождены и станут эмблематичными фигурами контрреволюции. Вскоре после казни белые действительно заняли Екатеринбург. Документ о казни был подписан председателем Исполкома Уральского совета А.Г. Белобородовым в Екатеринбурге, где содержалась под стражей царская семья. Этот документ оповещал общественное мнение о том, что «Президиум Областного совета постановил расстрелять бывшего царя Н. Романова. В ночь на 16 июля 1918 г. приговор приведен в исполнение». Содержавшаяся в документе ссылка на царскую семью была вычеркнута от руки, поскольку и уральские большевики считали необходимым умолчать о казни детей, собственноручно говоря, стыдились ее, как не упоминалось о ней и позже в советской исторической науке. Документ о казни уже давно хорошо известен, так как его разборчивая цветная фотокопия была опубликована несколько десятилетий назад в кн.: *Bildung der Russischen Revolution*. Berlin–Frankfurt/M, 1978; репринт 1979. Р. 179.

<sup>31</sup> О голоде см.: Илюхов А.А. Жизнь в годы перемен. Особенно с. 184–185.

властей, а в 1919 г. она расширилась до масштабов международного конфликта. Создание весной 1919 г. т.н. Нансеновской комиссии под эгидой Красного креста свидетельствовало о том, что голод в России считался катастрофой европейского масштаба. Ленин приветствовал инициативу Ф. Нансена, норвежского исследователя Арктики, стремившегося помочь голодающим, но в то же время показал, как державы, участвующие в интервенции, обратили его гуманитарные цели против советской власти. В мае 1919 г. Нансен передал Ленину ответ правительств стран Антанты, в котором помощь голодающим обуславливалась приостановкой военных действий на территории России. При этом в ответе не говорилось о том, что эти военные действия велись главным образом именно «благодаря» державам Антанты. Ленин предлагал направить Нансену ответ советского правительства, в котором разоблачалось бы лицемерие держав Антанты, но с благодарностью принималась бы международная помощь, организуемая Нансеном<sup>32</sup>

В 1921 г. проблема голода встала иначе. В июле 1921 г. представители находившейся в оппозиции к большевикам интеллигенции, известные противники советской власти создали первую комиссию помощи голодающим в рамках сотрудничества с советской властью. Ленин, как и в 1919 г., ясно понимал, что гуманитарная катастрофа может подорвать легитимацию новой власти. С точки зрения вопроса о власти получалось, что проблему голода желают «решить» политические силы, навязавшие России гражданскую войну и международные политические группировки, инициировавшие интервенцию, то есть великие державы, находившиеся в состоянии войны с Советской Россией, финансировавшие белых генералов и ответственные за голод в стране.<sup>33</sup> Следовательно, проблема голода в значительной степени являлась фоном для новой волны репрессий, той «средой», в которой она разворачивалась.

В конечном итоге, чтобы понять причины репрессий, необходимо принять во внимание, что русская революция не является исключением в ряду остальных революций в том смысле, что политическая борьба в ней не закончилась до тех пор, пока не было сломлено влияние социальных слоев, поддерживавших старый режим. Если обратиться к истории французской, английской или американской революции, то можно видеть, что везде состоялась расправа со сторонниками старого режима. В

---

<sup>32</sup> Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 304–306.

<sup>33</sup> Секретарь ИККИ Я.А. Берзин, бывший в то время полпредом РСФСР в Швейцарии, в интересах более положительной международной оценки страны считал неправильным арест членов комитета. Ленин в личном письме Берзину дал на это грубый ответ, заметив, что Ж. Нулансу, бывшему французскому послу в России, который в 1921 г. был председателем Международного комитета помощи России по борьбе с голодом, именно для сохранения международного престижа «надо было дать в морду». См.: В. И. Ленин. Известные документы. С. 468.

своеобразных российских условиях положение осложнялось тем, что в ходе гражданской войны движущие силы нового строя, прежде всего городской рабочий класс, постепенно ослабевали, что отразилось на хрупкости новой политической власти, на уязвимости ее социальной базы.

### **Изъятие церковных ценностей и голод**

Волна репрессий, возникшая на указанной выше основе, пронеслась по социальным группам и институтам, связанным со старым режимом. Под давлением конкретных обстоятельств коммунистическая партия, защищая свое политическое и идеологическое господство, желала освободиться от тех руководящих фигур политической оппозиции, о которых можно было предположить, – в том числе и по опыту гражданской войны, – что они не заинтересованы в политическом (и идеологическом) компромиссе или просто не пойдут на такой компромисс. В конце концов, волна репрессий стала предупреждением внутренней политической оппозиции и Западу, демонстрировавшим силу советской власти и ее решимость не останавливаться на выбранном пути при сохранении властной монополии коммунистической партии.<sup>34</sup>

Ленину и большевикам казалось, что наиболее значительная роль в сопротивлении новой власти принадлежала *православной церкви*. Бывшие советские исследователи, как, например, Н.Н. Покровский,<sup>35</sup> рассматривают весь акт экспроприации (изъятия, конфискации) церковных ценностей советской властью и вообще отношение большевиков и Ленина к церкви в качестве *моральной и правовой* проблемы. С одной стороны, Покровский говорит о существовании январского декрета 1918 г., лишившего религиозные организации права на собственность. С другой стороны, он ретроспективно вступает в моральный спор с советскими политиками той эпохи, как

---

<sup>34</sup> В наши дни доступно огромное количество архивных материалов об изъятии церковных ценностей, что в значительной степени является заслугой А.Н. Артизова и его коллег. См.: «Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. (Под ред. А.Н. Артизова, В.С. Христофорова). МФД. М., 2008. Сборник объемом в 800 страниц, содержащий основную документацию, касающуюся высылки интеллигенции, включает в себя 377 архивных документов. См. еще: Артизов А.Н. «Очистим Россию надолго...». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. In: Отечественные архивы, 2003, № 1. С. 65–97. См. еще: иную интерпретацию истории „философского парохода»: Dmitrijeva N. A. Lenin és az orosz értelmiség: 1922. In: Eszmélet, № 76. P. 156–183.

<sup>35</sup> Н.Н. Покровский опубликовал документы об отношениях советской власти и церкви и в предисловии к публикации подробно проанализировал и обстоятельства изъятия церковных ценностей: Политбюро и церковь 1922–1925 гг. РОССПЭН. М.–Новосибирск, 1997. См. еще: Покровский Н.Н. Источниковедение советского периода. Документы. Политбюро первой половины 1920-х гг. In: Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 18–46.

будто Ленин и большевики не приводили моральных аргументов, оправдывавших политическую ликвидацию православной церкви. Доступные ныне документы показывают характерные черты политической и идеологической позиции Ленина по данному вопросу.

Как мы уже неоднократно показывали, Ленин обдумывал все свои важнейшие политические решения в исторической перспективе, это относится и к репрессивным мерам. Быть может, не слишком известно, что Февральская революция не отделила церкви от государства. Между тем за долгие годы в широких слоях русского общества накопилась значительная неприязнь по отношению к государственной религии и государственной церкви, хотя старшие поколения по-прежнему поддерживали церковь. Церковь пережила гражданскую войну, оставаясь серьезным противником новой власти. В 1917 по численность духовенства, обычно поддерживавшего черносотенцев и белогвардейцев, превышала 200 тыс. человек. 20 января 1918 г. был принят подписанный Лениным декрет о свободе совести, провозгласивший и свободу от религии. Согласно этому декрету, в государственных школах прекращалось преподавание религиозных вероучений, церковный брак был заменен гражданским, а церковное имущество было объявлено «народным достоянием». Избранный после Октябрьской революции патриарх Тихон отвергал и осудил основные положения декрета. Больше того, в первую годовщину революции он направил в СНК обращение, в котором бичевал политику большевиков, Брестский мир и уничтожение господства частной собственности. Еще раньше, в январе 1918 г., он анафематствовал всех, кто имел отношение к актам «революционного самосуда». В этом смысле к числу подвергнутых анафеме относился и Ленин, хотя его имя не было названо. Под анафему подпадала и борец за эмансипацию женщин А.М. Коллонтай, руководившая попыткой реквизиции Александро-Невской лавры. По этому поводу Ленин заметил, что она попала в хорошую компанию вместе со Стенькой Разиным и Львом Толстым. Давно известно, что Ленин считал русскую православную церковь самой верной опорой царского самодержавия. Однако он никогда не отождествлял церковь с религией и наоборот. Мы уже упоминали о его взгляде на религию как «опиуме народа», но ныне мало известно, что он не намеревался ни запретить, ни сделать невозможным отправление религиозных обрядов, больше того, во время гражданской войны выступал против перегибов в этой области.<sup>36</sup> Однако, с другой стороны, он не смешивал с

---

<sup>36</sup> Несмотря на свою враждебность церкви и религии, Ленин в интересах политической целесообразности не раз выступал против местных перегибов, примером чего может служить его записка от 2 апреля 1919 г., адресованная представителю группы граждан Ягановской волости Череповецкого уезда В. Бахвалову. В ответ на переданную Бахваловым просьбу разрешить закончить строительство храма, начатое еще в 1915 г., Ленин писал: «Окончание

этим партийные дела. Он принципиально возражал против участия членов партии в церковных обрядах, считал недопустимой для них вероотправление. 30 мая 1919 г. в записке в Оргбюро ЦК Ленин писал: «Я за исключение из партии участвующих в обрядах».<sup>37</sup>

После потоков крови, пролитой во время гражданской войны, Ленин хотел вытеснить церковную организацию, которую он называл «средневековой», на периферию политической и духовной жизни. Речь шла не только о том, что церковь с оружием в руках воевала против советской власти, но и о том, что большевики стремились добиться институционально оформленной культурной гегемонии, которая заменила бы прежнюю идеологическую монополию («старую культуру») православной церкви. В качестве первого шага было принято решение о быстрой ликвидации неграмотности, о культурном возвышении народных масс и «распространении новой, социалистической культуры».<sup>38</sup>

Следовательно, зимой–весной 1922 г. Ленин, охваченный настроением «теперь или никогда», считал, что настало время для столкновения с православной церковью и патриархом Тихоном.<sup>39</sup> По его инициативе Совет Народных Комиссаров и высшие советские органы организовали сбор средств в помощь жертвам поволжского голода 1921–22 гг.,<sup>40</sup> в связи с этой мерой и было вынесено решение о конфискации церков-

---

постройки храма, конечно, разрешается; прошу зайти к наркому юстиции т. Курскому, с которым я только что созвонился, для инструкции». Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 273.

<sup>37</sup> Там же. С. 330.

<sup>38</sup> На место церкви Ленин думал поставить театр, который должен был стать институтом духовного и морального «обновления», «совершенствования» человека и общества, атеистического просвещения и передачи эстетических и цивилизаторских ценностей. Примерно так же он смотрел и на кинематограф, предназначая ему не просто агитационную функцию, а приблизительно ту социальную роль в коллективном воспитании и «самовоспитании», которую позже играло телевидение.

<sup>39</sup> См. «строго секретное» письмо Ленина Молотову от 19 марта 1922 г. В.И. Ленин. Известные документы. С. 518–519. В судьбе патриарха Тихона позже наступил резкий перелом, вместо проклятия советской власти он начал подчеркивать ее признание, что в свое время вызвало немалое удивление. Это хорошо отражается в дневниковой записи известного писателя М.А. Булгакова, сделанной 11 июля 1923 г.: «...Патриарх Тихон вдруг написал заявление, в котором отрекается от своего заблуждения по отношению к Соввласти, объявляет, что он больше не враг ей и т.д. Его выпустили из заключения. В Москве бесчисленные толки, а в белых газетах за границей — бунт. ... Смысл: советской власти он друг... Никаких реформ в Церкви, за исключением новой орфографии и стиля». Булгаков М.А. Дневник. Письма. 1914–1940. Изд-во «Современный писатель». М., 1997. С. 51.

<sup>40</sup> См.: Телеграмма В.И. Ленина и В. М. Молотова всем губернским и област-

ного имущества, церковной движимости, в ответ на которое патриарх Тихон 28 февраля призвал верующих к открытому сопротивлению, говорил об изъятии священных предметов как о «святотатстве». В Шуе верующие прогнали из церкви комиссию по изъятию ценностей. Произошло столкновение войск с демонстрантами, в ходе которого было ранено около 40 человек, 16 верующих и 26 красноармейцев. Эти события дали Ленину повод сформулировать получивший ныне известность секретный анти-церковный документ.

В уже упомянутом письме Ленина Молотову для членов Политбюро,<sup>41</sup> скрывавшемся в советскую эпоху, намечены контуры акции ГПУ, соответствующей указанной выше политической стратегии.<sup>42</sup> Официально Ленин поручил руководство акцией председателю ВЦИК М.И. Калинину, который должен был стать единственным «источником информации» для прессы. В действительности же руководство было поручено Троцкому, причем Ленин отметил, что это должно держаться в строгом секрете, так как еврейское происхождение Троцкого дало бы новый «материал» для антисемитской пропаганды белогвардейцев и церкви.<sup>43</sup> (Еврейское происхождение Троцкого причинило проблемы уже при назначении его наркомом). В письме Ленина расправа с церковью обосновывается несколькими причинами. Главной мотивацией, конечно, было преодоление ожидаемого сопротивления изъятию церковных ценностей. В этой связи нужно сказать, что Ленин (благодаря Троцкому) многократно переоценил объем и ценность подлежавшего конфискации имущества,<sup>44</sup> и одновременно недооценил

---

ным комитетам РКП(б). 30 июля 1921 г. In: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 463–464. Засуха охватила такие обширные территории страны, что это привело бы к катастрофе даже в условиях нормально функционирующей экономики, а тем более – в хаотической ситуации, сложившейся по окончании гражданской войны.

<sup>41</sup> Письмо В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б). 19 марта 1922 г. В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 516–519.

<sup>42</sup> Главным организатором акции был Л.Д. Троцкий при непосредственной поддержке Ленина и Сталина. Молотов попытался смягчить несколько смягчить проект Ленина–Троцкого, нацеленный по существу на полную политическую ликвидацию церкви. См. цитированную статью Н.Н. Покровского, с. 28–31.

<sup>43</sup> См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 517–519. Арест Тихона Ленин считал нецелесообразным, хотя Тихон и «несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев». См.: Nedava J. Trotsky and the Jews. P. 120 и Krausz T. Kutatás közben. Megjegyzések a Lenin-tematikához az „új” dokumentumok fényében. In: Krausz T. Lenintől Putyinig. La Ventana. Budapest, 2003. P. 15–27.

<sup>44</sup> По официальным источникам, к 1 ноября 1922 г. было изъято: золота – 33 пуда 32 фунта, серебра – 23 997 пудов 23 фунта, бриллиантов – 35 670 штук и т.д., оценочная стоимость которых (за исключением «антикварных вещей)

инстинкт самозащиты церкви, то есть тот факт, что церковные ценности уже ранее были укрыты в «надежном месте». Несмотря на то, что Ленин считал православную церковь «последним оплотом белогвардейской черносотенной контрреволюции», «изъятие ценностей», конечно, одинаково распространялось на все вероисповедания.

Военный стиль ленинского письма, выражения вроде «решающее сражение» «разбить неприятеля» и т.д. показывают, что Ленин действительно готовился к решающей схватке. Далее, он принял во внимание, что, вопреки первоначальным планам, население очень медленно переходило к активной поддержке нового режима, и ему казалось, что определенную роль в этом играет и церковь. Главным образом от большевиков отделились средние и зажиточные слои крестьянства, недовольные порядками времен гражданской войны и военного коммунизма. Церковь могла стать политическим союзником именно этих слоев. С этими фактами связана приводимая ниже самая жестокая, устрашающая мысль письма (хотя свою роль здесь играет и чувство мести, значение которого часто преувеличивается в модной ныне интерпретации): «Чем больше число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».<sup>45</sup>

В действительности речь шла о реализации побед, достигнутых на фронтах гражданской войны, в области политики, чего нельзя было добиться без применения террора. Несомненно, что Ленин все еще находился под влиянием психологии «кто кого», характерной для гражданской войны, без учета этого факта невозможно понять серию репрессий 1922 г. При чтении обзоров ГПУ создается впечатление, что этот психоз овладел и аппарат новой власти. Уже весной Ленин получил из крупных городов много известий о различных формах сопротивления, оказываемого церковью. В различных местах страны проходили и демонстрации рабочих, в этих случаях было бы трудно доказать наличие организованных призывов со стороны церкви.<sup>46</sup> В

---

составляла 4 650 810 золотых рублей. Была получена лишь малая часть того, чего ожидал Троцкий. Троцкий объяснял ничтожность суммы тем, что во время гражданской войны белые в сотрудничестве со священниками вывезли церковное золото за границу. Н.Н. Покровский считает, что церковные ценности были разграблены воюющими сторонами. Тем самым он вступает в противоречие с тезисом, что изъятие ценностей означало распродажу старой России. Из полученной в результате изъятия суммы 1 млн. рублей был, по предложению Троцкого, истрачен на закупку хлеба для голодающих и значительных средств потребовало проведение самой кампании. См.: Политбюро и церковь. С. 12–14, 79–80 и далее.

<sup>45</sup> В.И. Ленин. Известные документы. С. 518–519.

<sup>46</sup> Были города, губернии, заводы, где рабочие выступили против изъятия

---



упомянутом выше письме Ленин ссылался на сообщение Российского телеграфного агентства о «подготавливающемся черносотенцами в Питере сопротивлении» декрету об изъятии церковных ценностей (23 февраля 1922 г.). Он считал, что «черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение», но делает это в неблагоприятный для него момент, совершая «громадную стратегическую ошибку». <sup>47</sup> Нет никаких оснований утверждать, что события в Шуче<sup>48</sup> были исходным пунктом для осуществления какого-либо плана сопротивления. В свете документов ныне можно утверждать, что там произошло скорее местное выступление.

Под влиянием ожидаемых событий Ленин предложил усилить «секретно-полицейский» характер сбора церковных ценностей.<sup>49</sup> Шуйский протест, сопровож-

---

церковных ценностей. Против него протестовали рабочие целого ряда московских и петроградских заводов. «28 марта после собрания верующих а Тетатре революционной эстрады толпа двинулась по Литейному проспекту с пением псалмов, приглашая попутно проходящих на собрание по поводу изъятия церковных ценностей». Госинформсводка за 1 и 2 апреля № 29/293. In: «Совершенно секретно». С. 132.

<sup>47</sup> В.И. Ленин. Известные документы. С. 516.

<sup>48</sup> 13 марта комиссия, созданная согласно декрету ВЦИК от 23 февраля 1922 г. О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих, объявила в шуйском соборе об изъятии ценностей, однако под влиянием толпы возбужденных верующих перенесла работу на 15 марта. Перед этим комиссия в спокойной обстановке взяла на учет ценности синагоги. 15 марта на Соборной площади собралась большая толпа. Подъехавшая конная милиция была встречена угрозами и камнями, вслед за чем прибыла полурота сухопутного полка. Из толпы раздались выстрелы, после чего командир красноармейцев приказал стрелять в воздух. Второй залп был в толпу, которая после этого разбежалась. Было убито 4 человека, легко ранено – 10 человек. В конце концов было собрано около 10 пудов серебра, драгоценные камни, жемчужные ризы и другие ценности. В Шучу была послана комиссия из авторитетных лиц, которая пришла к выводу, что уездная комиссия по изъятию ценностей действовала правильно, и предложила местным властям выяснить виновных в сопротивлении властям и передать их для примерного наказания в Ревтрибунал. Там же. С.519–520.

<sup>49</sup> Вслед за этим Ленин одобрил телеграмму Политбюро о временной приостановке изъятий. По его мнению, это должно было создать у «противника» впечатление, «будто бы мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать». В то же время Ленин настаивал на строгом наказании виновных в шуйских событиях. «Самого патриарха Тихона, – писал он, – я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как должно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского и

давшийся беспорядками, пришелся кстати: «...Для нас именно в данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления». <sup>50</sup> Таким образом, Ленин был уверен в том, что большинство крестьянства в данный момент не поддержит духовенство, если оно будет сопротивляться декрету советской власти. Ссылаясь на «одного умного писателя», под которым он имел в виду Макиавелли, он писал, что народные массы не вынесут длительного применения жестокостей, поэтому жестокости нужно осуществлять «самым энергичным образом и в самый краткий срок». <sup>51</sup>

Ленин надеялся получить от изъятия прибыль в несколько сотен миллионов золотых рублей, <sup>52</sup> часть которой предполагалось обратить на ликвидацию голода, а другую часть – сосредоточить в государственном фонде, обеспечивающем государственную деятельность и хозяйственное строительство. Ленин – ошибочно – придавал важное политическое значение созданию такого фонда в период подготовки к Генуэзской конференции, обещавшей восстановление экономических связей с Западом, в то время как сотрудники дипломатической службы считали неактуальным с

---

Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно». Там же. С. 518.

<sup>50</sup> В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 516.

<sup>51</sup> Там же. С. 517.

<sup>52</sup> Нарком внешней торговли Л.Б. Красин попытался взять на себя нелегальную реализацию конфискованных ценностей за границей и критиковал завышенные представления Троцкого о размерах возможной прибыли. Даже работники Коминтерна занимались реализацией ценностей и использовали вырученные таким образом деньги на поддержку международного революционного движения. Однако Н.Н. Покровский впадает в крайность, говоря о «готовности большевистских лидеров идти в разрушении своей страны до конца ради верности призраку перманентной мировой революции». См.: Политбюро и церковь. С. 12–14, 20. На самом деле музейные ценности не выпускались в рыночный оборот. В соответствии с декретом О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих в целях охраны культовых предметов, имевших историческую и художественную ценность, «вещи бесспорно музейного значения» передавались «на хранение в отдел музеев». Подлежавшие конфискации предметы, необходимые для проведения богослужения, заменялись менее ценными. См.: Dmitrijeva N.A. Lenin és az orosz értelmiség. P. 161.

---

внешнеполитической точки зрения радикальное выступление против церкви. В отличие от них, Ленин смотрел на дело, исходя из того, что великие державы понимают лишь язык силы, поэтому он оценивал акцию против церкви и в качестве своего рода демонстрации силы.

Видя в церкви лишь «придаток» белогвардейщины и черносотенства, Ленин, несомненно, недооценил ее социальные корни. Социально-политическая роль православной церкви не исчерпывалась этим, хотя характер ее участия в гражданской войне послужил главной причиной того, что ее влияние на общество и моральный авторитет резко ослабли, и в итоге она была политически дискредитирована. С другой стороны, фантазию, представление Ленина об «уничтожении» церкви также необходимо сопоставить с действительностью. Было бы ошибкой понимать под этим действительное, физическое уничтожение православной церкви или хотя бы такое намерение.<sup>53</sup> В конце концов выступление против церкви не привело к насильственным акциям протеста в широких слоях населения. Это выясняется из обзоров ГПУ, предназначенных для информирования высшего руководства. По логике аппарата власти, меры по устрашению считались «успешными».<sup>54</sup>

---

<sup>53</sup> Существует много работ на эту тему. Н.Н. Покровский ссылается на следующие: Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. Paris, (1977). С. 285, 314; Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 204; Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 106. Считается, что в ходе изъятия 1922 г. в стране произошло 1 414 кровавых инцидентов. Есть сведения, что в ходе всероссийской кампании в результате столкновений и по приговорам судов погибло и было расстреляно 8 100 человек. Говорится и о том, что в связи с изъятием церковных ценностей в 1922 г. было поднято 231 судебное дело, по которым были вынесены приговоры 732 человекам. См.: Политбюро и церковь. С. 78. 8 мая 1922 г в связи с событиями в Шувее московский трибунал приговорил 11 человек (священников, благочинных и граждан) к высшей мере наказания, 4 человек – к 5 годам, 13 – к 3 годам, 10 – к одному году заключения. Осужденные к высшей мере наказания обратились с жалобой в Кассационный отдел Высшего трибунала, который ходатайствовал перед ВЦИК о смягчении приговора. Приговор шести священникам был оставлен в силе, шести осужденным высшая мера была заменена пятью годами лишения свободы. Л.Б. Каменев с самого начала настаивал на отмене всех приговоров, в конце концов восторжествовало «промежуточное» мнение. См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 522–523.

<sup>54</sup> Госинформсводка за 4 апреля № 31/296. «В г. Шувее после событий, имевших место 14 марта, со стороны духовенства и верующих никаких выступлений против изъятия ценностей не было. «Совершенно секретно». С. 148. Госинформсводка за 1 и 2 апреля № 29/293. Согласно данным об изъятии церковных ценностей по Северному краю, «работа комиссии проходит спокойно». В Псковской губернии: «Работа комиссии по изъятию церковных ценностей проходит без особых конфликтов. В большинстве духовенство к изъятию от-

---

### Высылка интеллигенции

Среди других «не знающих моральных границ» политических шагов Ленина, проявлений его антигуманной террористической политики упоминается тот факт, что в 1922 г., почти одновременно с антицерковной кампанией, он выступил с инициативой высылки из Советской России 228 известных представителей русской интеллигенции (от Н.А. Бердяева до П.А. Сорокина и членов редакции журнала *Экономист*).<sup>55</sup> Ссылка, являвшаяся традиционной частью русской политической культуры, входила и в ленинскую «традицию». Как и в случае с духовенством, Ленин не пользовался специальными теоретическими аргументами, теоретическим оправданием и при высылке оппозиционной интеллигенции, однако и в этом случае есть возможность проникнуть во внутренние «тайны» его политического мышления.

В свете новейших исследований ясно вырисовывается, что Ленин с помощью описанных ниже диктаторских мер стремился повысить шансы советской власти на выживание «ценой наименьших жертв», то есть по принципу «высылка вместо расстрела». Будучи инициатором и «стратегом» этой акции, Ленин разработал её с точной такой же осмотрительностью и скрупулезностью, как и наступление на церковь.

Возможность и конкретные условия изгнания были открыто сформулированы Лениным 12 марта 1922 г. в статье «О значении воинствующего материализма».<sup>56</sup> Суть акции была изложена им 19 мая в секретном письме Ф.Э. Дзержинскому. Политбюро ЦК на заседаниях 24 мая и 8 июня без возражений поддержало конкретные предложения Ленина. Осуществление репрессивных мер – не без тенденциозности – было связано с завершением судебного процесса над эсерами. Составление окончательного списка подлежащих высылке лиц было поручено комиссии из 3 человек (Л.Б. Каменева, Д.И. Курского и И.С. Уншлихта).<sup>57</sup> Здесь нет нужды останавливаться на технических и организационных подробностях акции, осуществленной ВЧК–ГПУ, однако необходимо коснуться тех предпосылок, которые толкнули Ленина на эту акцию.

Конкретное исследование подчеркивает значение разнородных, наслаивавшихся друг на друга причин, отделенных друг от друга в историческом пространстве и времени. Неприязнь, испытываемая революционерами по отношению к определенной

---

носится пассивно. Часть духовенства и антисоветские элементы ведут скрытую агитацию среди масс населения, вследствие чего отношение к изъятию большинства населения недоброжелательное». Там же. С. 132–133.

<sup>55</sup> Макаров В.Г. – Христофоров В.С. Предисловие. In: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ 1921–1923. «Русский путь». М., 2005. С. 41.

<sup>56</sup> Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 23–33.

<sup>57</sup> Артизов А., Макаров В., Христофоров В. Введение. In: «Очистим Россию надолго...». С. 6–7.

---

части бунтовавшей, сопротивлявшейся или только недовольной интеллигенции, помимо указанных выше властных, политических соображений, отчасти опиралась и на иные исторические предпосылки. Корни этой неприязни уходили как минимум к 1909 году, ко времени публикации одиозного сборника *Вехи*, к позиции его известных авторов (Н.А. Бердяева, М.О. Гершензона, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, П.Б. Струве и др.), которые и в годы гражданской войны, и после введения НЭПа излагали свои взгляды в соответствии с характерной для них «антибольшевистской, антисоциалистической и антиматериалистической» системой ценностей. Кроме того, и здесь сыграла свою роль проблема голода. Другая группировка интеллигенции, входившая в Помгол (Всесоветский комитет помощи голодающим, создан 21 июля 1921 г.) в кампании против голода отказалась от пути сотрудничества с советским правительством, считала проблему голода признаком беспомощности советского правительства и стремилась подорвать его авторитет на Западе. Позже намерение Комитета послать на Запад делегацию вызвало тяжелый конфликт во ВЦИК, в конце концов, дело дошло до арестов и 27 августа Комитет был распущен.

Курс на сотрудничество со «старой» интеллигенцией («привлечение специалистов»), который как раз после введения НЭПа активно поддерживался Лениным, натолкнулся на сопротивление группы ведущих интеллектуалов, которые не хотели служить политике большевистского правительства. Ещё в 1970-е гг. была опубликована пространная книга, автор которой, говоря о «вовлечении старой интеллигенции в строительство социализма», упомянул и об «акции» против представителей интеллигенции, не умолчав и о том, что в 1922 г. на основании ст. 57 уголовного кодекса РСФСР по обвинению в «контрреволюционной пропаганде и агитации» был прекращен выход наиболее известных буржуазных журналов *Экономист*, *Экономическое возрождение*, *Мысль* и т.д. В книге, хотя и неточно, говорится о высылке в северные губернии «160 наиболее активных буржуазных идеологов» (Е.Д. Кусковой, С.Н. Прокоповича, А.С. Изгоева и других).<sup>58</sup> Однако в ней не раскрыта сложная политическая борьба, из которой родилась «операция по высылке».

Помимо множества упомянутых факторов, «обезглавливание» старой интеллигенции подготавливалось борьбой за руководящие посты, развернувшейся в высших учебных заведениях. В этой борьбе сторонники советской власти без её непосредственной поддержки не имели шансов на рубеже 1922–23 гг. добиться серьезного влияния в университетах и редакциях интеллигентских журналов, к тому же в конце 1921 – начале 1922 г. развернулись забастовки в университетах, которые также были

---

<sup>58</sup> Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. Изд-во «Наука». М., 1972. С. 286–288. Ясно, что Федюкин был знаком лишь с частью документов, опубликованных Артизовым, так что его данные и точка зрения уже устарели.

---

остановлены насильственными мерами.<sup>59</sup>

По предложению Ленина, 7 членов Помгола были сосланы в мелкие города России. Позже им была предоставлена возможность поселиться в губернских столицах, за исключением Петрограда, Москвы, Киева, Одессы и Харькова, или выехать за границу «за свой счет».<sup>60</sup>

Тем временем, опираясь на инструкцию Ленина, коммунистическая интеллигенция приступила к критике буржуазного мышления, подготавливая идеологическую почву для вытеснения, удаления его представителей. Более того, Ленин прямо предложил обязать членов Политбюро «уделять 2–3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг» и *систематически* собирать «сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей».<sup>61</sup> Известно, что Ленина ещё задолго до событий 1922 г. занимала мысль о высылке «старой» интеллигенции за границу. В апреле 1919 г. он дал интервью американскому журналисту Линкольну Стеффенсу, прибывшему в Россию по поручению Уильяма Буллита (первого американского посла в СССР). На вопрос о красном терроре Ленин ответил: «Он (террор – Т. К.) наносит революции тяжелые удары как изнутри, так и извне, и мы должны выяснить, как избежать его, контролировать или направлять его. Но мы должны больше знать о психологии, чем мы знаем сейчас, чтобы провести страну через это безумие. Террор служит тому, чему должен служить... Мы должны найти какой-то путь, как избавиться от буржуазии, высших классов. Они не дадут нам совершить никакие экономические перемены, на которые они не пошли бы до революции, поэтому их надо вышибить отсюда. Я лично не знаю, как можно запугать их, не прибегая к казням. Конечно, они вредны как вне, так и внутри страны, но все же меньше будут вредить в эмиграции. Единственное решение я вижу в том, чтобы угроза красного террора способствовала распространению ужаса и вынуждала их бежать. ... Необходимо сломить абсолютное, стихийное сопротивление старых консерваторов, а прежде всего – упрямых либералов...».<sup>62</sup>

Эта позиция была подкреплена оправдывающей террор аргументацией Троцкого. Троцкий высказался так же откровенно, как и Ленин. Информировав международное общественное мнение в интервью американской журналистке Л. Брайант-Рид, напечатанном 30 августа 1922 г., он заявил, что речь идет о «проявлении гуманности большевиков». «Те элементы, – сказал он, – которые мы высылаем или будем вы-

---

<sup>59</sup> Докладная записка ГПУ в Политбюро ЦК РКП(б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции». In: Отечественные архивы, 2003, № 1. С. 76. См. еще: Dmitrijeva N.A. Lenin és az orosz értelmiség. P. 162.

<sup>60</sup> Dmitrijeva N.A. Lenin és az orosz értelmiség. P. 160.

<sup>61</sup> «Очистим Россию надолго...». С. 109. См. еще с. 6–7.

<sup>62</sup> Dmitrijeva N. A. Lenin és az orosz értelmiség. P. 166–167. См. еще: Мельниченко В. Личная жизнь Ленина. С. 216–217.

---

сылать, сами по себе политически ничтожны. Но они – потенциальное оружие в руках наших врагов. В случае новых военных осложнений ... все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас в спокойный период выслать их заблаговременно».<sup>63</sup>

Однако и в ходе самой операции возник неизбежный и роковой вопрос: кто и по каким признакам может отделить «друзей от врагов». Этот вопрос вызвал серьезные сложности уже в августе и сентябре 1922 г., так как за некоторых из 230 подлежащих высылке интеллигентов заступились такие близкие Ленину большевистские руководители, как А.В. Луначарский, Г.М. Кржижановский, Л.Б. Каменев, А.К. Воронский, который поручился за писателя Е.И. Замятина, В.В. Осинский, ходатайствовавший за известного экономиста Н.Д. Кондратьева, и другие. Они ссылались на научные, экономические и политические интересы государства, связанные с сутью НЭПа.<sup>64</sup> Не совсем ясно, чего ожидали от «гуманитарной» интеллигенции представители советской власти. Суть была не в идеологической поддержке власти, а в её признании и приспособлении к ней, хотя встречается и мнение, что Ленин и его сподвижники ожидали похвал власти. Время похвал наступит позже, в другую эпоху. В то же время выдворение «инакомыслящих» не может заслонить тот факт, что одна часть антисоветской эмиграции стремилась вызвать обострение внутренних противоречий в России, главным образом в области культурной жизни, а другая её часть в определенном смысле положительно относилась к Советской России.

Это иллюстрируется интересным документом, письмом Горького Бухарину, написанным в июне 1922 г. и содержащим впечатления автора письма об эмигрантской интеллигенции в Берлине. Коснувшись одной из своих статей, Горький писал, что «кое-кого она убедила в том, что советская власть – власть исторически оправданная... Слышу, что наиболее порядочные люди из эмигрантов говорят: статья примиряет с советской властью, что, действительно, только большевизм мог оживить крестьянство. Вопрос о жестокости – мой мучительнейший вопрос, я не могу отрешиться от него. Всюду наблюдаю я бессмысленное озверение, – вот, сейчас, здесь травят Алексея Толстого, вероятно сегодня ему устроят публичный скандал. С какой дикой злобой пишут о нем *Руль* и *Голос*».<sup>65</sup>

Н.А. Дмитриева считает, что административная ссылка, т.е. ссылка или высылка без суда, была придумана не большевиками. При царском режиме она широко применялась по отношению к представителям политической оппозиции. Советская

<sup>63</sup> «Очистим Россию надолго...». С. 317.

<sup>64</sup> Артизов А., Макаров В., Христофоров В. Введение. С. 11.

<sup>65</sup> Письмо А.М. Горького Н.И. Бухарину. 1. VI. 22. РГАСПИ, ф. 329, оп. 2, д. 4, л. 9.

власть переняла многие элементы старой администрации, не является исключением и интересующий нас случай. Между прочим, Соловецкие острова вместе с монастырем ещё в 1922 г. были переданы ГПУ для создания там концентрационных лагерей для политических заключенных. Пассажиров «философского парохода» могли ведь послать и туда, а не в Германию. Год спустя, 27 мая 1923 г., Ф.Э. Дзержинский в письме И.С. Уншлихту выразил сомнение в целесообразности широких высылки по подозрению. С этого времени практика высылки прерывается, уступив место гораздо более жестоким мерам наказания.<sup>66</sup>

### Уроки процесса над эсерами

Сообщение о будущем процессе над эсерами было обнародовано в конце февраля 1922 г., почти одновременно с вынесением решения о наступлении на церковь. Сам процесс проходил с 8 июня по 7 августа 1922 г. Он был наиболее типичным элементом ликвидации антикоммунистической политической оппозиции, частью завершения гражданской войны, актом показа обществу прошлых и настоящих «преступлений» подсудимых с целью убедить людей в том, что те, кто пошел против советской власти, неминуемо попадают в «лагерь контрреволюции», поэтому с ними нужно расправиться.

Здесь необходимо напомнить о том, что упомянутая выше «политическая деятельность» как источник террора почти с самого начала переплелась с ролью «мелкобуржуазной демократии» в революции и гражданской войне. Значение этого Ленин подчеркнул в знаменитой речи, произнесенной 27 ноября 1918 г. на собрании партийных работников Москвы. Обобщая накопившийся к тому времени опыт гражданской войны, Ленин сказал: «Вы знаете, что по всей России во время чехословацкого выступления, когда оно проходило с наибольшим успехом, в это время по всей России шли кулацкие восстания. Только сближение городского пролетариата с деревней укрепило нашу власть. Пролетариат, при помощи деревенской бедноты, только он выдерживал борьбу против всех врагов. И меньшевики и эсеры в громадном большинстве были на стороне чехословаков, дутовцев и красновцев. Это положение требовало от нас самой ожесточенной борьбы и террористических методов этой войны. Как бы люди с различных точек зрения ни осуждали этого терроризма (а это осуждение мы слышали от всех колеблющихся социал-демократов), для нас ясно, что террор был вызван обостренной гражданской войной. Он был вызван тем, что вся мелкобуржуазная демократия повернула против нас. Они вели с нами войну различными приемами – путем гражданской войны, подкупом, саботажем. Вот такие условия создали необходимость террора. Поэтому раскаиваться в нем, отречься от него мы не должны».<sup>67</sup>

Опыт, накопленный к 1922 г., не смягчил отношения Ленина к «мелкобуржуазной

---

<sup>66</sup> Dmitrijeva N. A. Lenin és az orosz értelmiség. P. 175, 183.



демократии». Известно, что в ходе процесса руководители эсеров были осуждены по обвинению в «контрреволюционной антисоветской деятельности». Подготовка процесса была предана широкой гласности. На передний план были выдвинуты состоявшиеся раньше эсеровские покушения на представителей советской власти, а также дальнейшая организованная политическая деятельность против власти. Цель этого почти не скрывалась: втиснуть «социалистическую оппозицию» в категорию «антисоветской и контрреволюционной интеллигенции». Причем речь шла не о какой-либо «антиинтеллигентской» установке Ленина, хотя, как мы видели, такая установка была для него в определенной степени характерна и вытекала, с одной стороны, из классово-политической позиции (интеллигенция располагает интересами, отличными от интересов рабочего класса), а с другой стороны, из политического опыта, показывавшего, что из-за своего «индивидуализма» значительная часть интеллигенции не подчинится «коллективистскому порядку и дисциплине», установленным советской властью. Однако в данном случае, как мы уже подчеркивали, целью Ленина являлось укрепление советских политических институтов, этой цели был подчинен и вопрос об эсерах.

Во всяком случае, в ходе процесса сила партии эсеров, некогда самой многочисленной в России, была окончательно подорвана, часть ее членов, как и члены других политических организаций, например, *Бунда*, еще раньше присоединилась к большевикам. Причиной этого можно считать отчасти «всасывающее влияние» власти, а отчасти то, что под влиянием победы в гражданской войне многие искренно перешли на сторону советской власти. Если верить сообщениям ГПУ того времени, процесс над эсерами – несмотря на несогласие внутренней оппозиции и зарубежные протесты – нашел положительный отклик в широких слоях общества. Жажда *порядка* оказалась сильнее многих важных требований демократии, люди редко задумывались о смысле и значении выбора между однопартийной и многопартийной системой, апатия и разочарование не способствовали распространению в обществе теоретической и правовой чуткости. А те, кто задумался над этим вопросом находясь на стороне советской власти, поддерживали большевиков как «политических выразителей» этой власти.

Все советские руководители от Луначарского до Ленина высказали свое мнение о справедливости и политическом значении процесса, совершенно не отрицая его политических характер. Больше того, они сами разработали его «концепцию», что было особенно важно, так как на скамью подсудимых были посажены социалисты. При этом мало внимания уделялось правовому обоснованию процесса.

В конечном итоге репрессии против эсеров и меньшевиков также включали в себя намерение власти добиться «добровольного» отъезда руководителей этих партий за границу или их изоляции в отдаленных губерниях страны.<sup>68</sup> Больше того, опублико-

<sup>67</sup> Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 214.

<sup>68</sup> Конечно, эти цели ВЧК–ГПУ было хорошо поняты и самими арестованными.

ванные документы «процесса над правыми эсерами» показывают, что Ленин и другие большевистские руководители, ссылаясь на политическое и военное сопротивление эсеров во время гражданской войны, требовали от привлеченных к суду эсеро-вских политиков признаний и гарантий на будущее. Они ждали от них отказа от военного и политического сопротивления советской власти, однако их постигло разочарование даже несмотря на то, что обвинителями на процессе выступали такие большевистские руководители, как Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский или Г.Л. Пятаков, которые теоретически и политически проанализировали политическую деятельность эсеров, организацию ими самарского «альтернативного» правительства, Комитета членов Учредительного собрания, вооруженное сопротивление Красной армии, словом, историческую роль эсеров в гражданской войне. Собственно говоря, подсудимым было предъявлено обвинение в «измене», так как правые эсеры «с оружием в руках выступили против диктатуры пролетариата». Согласно газетным отчетам того времени, Пятаков задал обвиняемым вопрос, каково было бы их поведение, «если бы они были освобождены из-под стражи: будут ли они вести вооруженную борьбу против советской власти? Товарищ Пятаков подчеркивает, что для Трибунала чрезвычайно важно знать это при вынесении приговора».<sup>69</sup> Дав смелые ответы, руководители эсеров однозначно заявили о сохранении прежних взглядов, как это сделала, например, и не входившая в руководство Е.А. Иванова-Иранова: «Если бы я очутилась на свободе, я поступила бы так, как подсказала бы моя ненависть к вам, которая живет во мне с октября 1917 г.».<sup>70</sup>

Быть может, наиболее авторитетный и известный руководитель партии, А.Р. Гоц, в длинной речи, произнесенной в качестве «последнего слова», заявил: «Мы признательны вам за то, что вы дали нам возможность этот ответ высказать полностью и если эта наша исповедь, которую мы здесь высказали, волею судеб явится нашим завещанием, то мы считаем, все-таки, что мы свой долг выполняем до конца и выполним его до самого последнего конца, так как подобает его выполнить революционерам. И что бы вы нам сейчас не судили, мы, если вы нас осудите, мы умрем как революционеры мужественно, глядя смерти в глаза. Если нам суждена жизнь, то мы будем жить как социалисты, работая во имя социализма, как мы работали до сих пор

---

ми и протестовавшими меньшевиками, о чем свидетельствует множество документов: Протест ЦК РСДРП во ВЦИК в связи с расширяющейся политикой репрессий против социал-демократов (Москва, 8 декабря 1921 г.); Заявление в президиум ВЦИК группы социал-демократов, заключенных Бутырской тюрьмы (12 декабря 1921 г.) и т. д. In: Меньшевики в 1921–1922 гг. РОССПЭН. М., 2002. С. 387–391 и далее.

<sup>69</sup> Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.) Подготовка. Проведение. Итоги. Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. РОССПЭН. М., 2002. С. 512.

<sup>70</sup> Там же. С. 513.

---

---

и как мы этот социализм понимаем». <sup>71</sup>

Хотя под давлением международной социал-демократии смертные приговоры были заменены лишением свободы, Ленин и другие руководители большевиков убедились в том, что политическая оппозиция не примирится с диктатурой большевистской партии. А между тем настоящей ставкой в этом процессе было как раз демонстративное завершение административной ликвидации «антисоветских политических партий». <sup>72</sup>

Ныне уже не вызывает сомнений, что такой, пренебрегающий правовыми процедурами способ удаления политической и идеологической оппозиции был не просто «плохим примером» на будущее, но и прокладывал путь применению таких мер, следствием которых стала бесконтрольность всего процесса изоляции политических противников. Ленин и большевистское руководство воздвигли для своих политических противников и, как выяснилось позже, для свободы мысли в целом полицейские преграды, не поставив перед собой *конкретно* вопроса о возможности ликвидации этих преград. Главным остался вопрос, поднятый еще в октябре 1917 г.: «Удержат ли большевики государственную власть?»

До сих пор мы старались показать сложное отношение Ленина к политическому принуждению, к насилию и террору, следуя логике определенной цепи событий. Однако, по всей видимости, картина будет более полной, если мы рассмотрим эту проблему и ход мысли Ленина на примере процесса, затронувшего иные, более широкие массы. Если мы хотим разобраться в проблеме насилия и террора в русской революции и на заре советской истории, то едва ли не самой пригодной для этого для этого будет тема судьбы российских евреев, которой уделяется не слишком много внимания в новейших обобщающих трудах по истории революции. <sup>73</sup> При рассмотрении «еврейского вопроса» ярче вырисовывается непосредственное столкновение Ленина с террором, насилием, антисемитизмом и расизмом, и мотивы его подхода к этим явлениям.

---

<sup>71</sup> Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. РОССПЭН. М., 2002. С. 778.

<sup>72</sup> Ленин принял отмену смертных приговоров, но считал неправильным заключение соглашения между представителями трех Интернационалов на условии неприменения смертной казни к эсерам. В конце концов, как уже упоминалось, смертные приговоры были вынесены, но не были исполнены. Между прочим, на процессе присутствовали наблюдатели от западноевропейских социал-демократов. См. статью Ленина Мы заплатили слишком дорого, опубликованную в Правде 11 апреля 1922 г. Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 140.

<sup>73</sup> В уже цитированной репрезентативной работе Драма русской истории об истории погромов говорится лишь то, что генерал Деникин, руководитель Добровольческой армии, ответственной за значительную долю массовых убийств, в своих мемуарах упомянул о «погромах еврейского населения» как об одной из причин поражения белых. Драма российской истории. С. 333.

---

## ПОЛЕМИКА

### ИДЕОЛОГИЯ И НАУКА

*Межуев Вадим Михайлович —  
д.ф.н., профессор, гл.н.с.,  
Институт философии РАН.*

Сравнительно недавно на страницах журнала «Альтернативы» разгорелась острая полемика между В.Ж. Келле и Л.К. Науменко. Поводом послужила статья В.Ж. Келле «Марксизм и постмодернизм» («Альтернативы». 2006. №3), на которую Л.К.Науменко ответил критической статьей ««Наше» или «моё»? Марксизм и постмодернизм» («Альтернативы»). 2008. №3). Ответом В.Ж. Келле стала его статья «Что же сказать в ответ?» («Альтернативы». 2009. №1). Вся полемика была перепечатана в сборнике «Марксизм. Альтернативы XXI века. Дебаты постсоветской школы критического марксизма» (М. 2009). Я не стал бы вмешиваться в нее, если бы каким-то боком (каким именно, станет ясно дальше) она не задевала лично меня, не касалась вопросов, меня всегда интересовавших.

Сразу же скажу, что с уважением и симпатией отношусь к Л.К. Науменко, считаю его своим другом, высоко ценю как талантливого философа и продолжателя дела Э.В. Ильенкова. Но в данном случае не могу согласиться с ним ни в тоне, который он избрал в споре с не менее уважаемым мной В.Ж. Келле, ни с рядом высказанных им замечаний в его адрес. Спор между ними касается понимания соотношения идеологии и науки, природы общественного сознания, духовного производства, культуры и ряда других сюжетов. Мне и самому в силу моей философской специализации не раз приходилось писать на эти темы. Поэтому ряд критических замечаний, сделанных Л.К. Науменко в адрес В.Ж. Келле, я с не меньшим основанием отношу и к себе. В.Ж. Келле в защитниках не нуждается, но у меня возникло желание ответить Л.К. Науменко от своего имени, причем без всякой уверенности в полном согласии со мной и самого В.Ж.Келле. Попытаюсь сделать это в той же свободной от излишнего академизма манере, в какой написана и статья Л.К. Науменко.

Начну с того, что меня прямо касается. Еще в 60-х гг. прошлого века я в ряде книжных и журнальных публикаций предложил рассматривать зарождавшуюся тогда философскую теорию культуры как теорию духовного производства. Затем этот термин, заимствованный, естественно, у Маркса, получил широкое распространение среди культурологов и социологов науки. Достаточно назвать имена того же В.Ж. Келле, Н.С. Злобина, Н.В. Мотрошиловой, В.С. Библера и ряда других известных авторов, которые так или иначе использовали этот термин в своих работах. Не могу сказать, что они одинаково трактовали его, но факт остается фактом — он прочно утвердился в социально-философском лексиконе того времени. Чуть позже в составе коллектива авторов я участвовал в написании монографий «Духовное произ-

---

водство» и «Производство как общественный процесс». В написанных мной главах я попытался изложить свое понимание смысла этой категории в работах Маркса. Поскольку Л.К. Науменко постоянно апеллирует к авторитету Маркса, я с удивлением обнаружил в его статье следующий пассаж: «Несколько слов о затронутой выше теме «духовное производство». Само это словосочетание вызывает у меня – как бы это сказать помягче? – изжогу. Сколько было в свое время на эту тему написано! – Клондайк, золотая лихорадка. А дело-то вот в чем»<sup>1</sup>. Дальше идет рассуждение о том, что разделение материального и духовного производства, признаваемое многими, основано на чистом недоразумении, а представление о том, что производство знания и производство ценностей – два разных вида производства, вообще лишено всякого смысла. Для тех, кто так думает, производство интеллекта, в котором нуждается материальное производство, не имеет, видимо, ничего общего с духовным производством, под которым понимается лишь производство «удовольствий для публики». «Вот и разделили знания и ценности, интеллект и удовольствия, материальное производство и духовное, материальные блага и блага духовные. Там пища, тут пища, только особая, духовная»<sup>2</sup>. Л.К. Науменко возмущен якобы вычитанным им у В.Ж. Келле и других исключением науки из духовного производства и соответственно принижением значения последнего: ведь в нем, в конечном счете, производится сам человек как «родовое существо», без чего никакое материальное производство существовать не может. А раз так, то нельзя противопоставлять друг другу ценности и знания, материальное производство и духовное, как и все остальное по списку: их следует мыслить не в раздельности, а в слитности и единстве. При некоторой невнятности всего этого рассуждения его можно было бы и стерпеть, но что послужило поводом для столь мощного взрыва негодования, с которым Л.К. Науменко обрушился на В.Ж. Келле?

Л.К. Науменко – известный поборник научного монизма. Только наука (разумеется, в союзе с диалектикой), как он считает, способна мыслить мир в единстве и целостности. И только такая наука достойна признания и высшей оценки. Все остальное – сплошной релятивизм и плюрализм, т.е. идеология. Мир, сведенный диалектически мыслящей наукой в единое целое, и наука, вобравшая в себя весь мир – вот его мировоззренческое кредо. Ему претит всякое разделение, различие и разграничение, всякое «рассечение», как он говорит, которое уводит в сторону от доставляемой такой наукой целостной истины. Научная истина едина и всеобъемлюща, мнениям и заблуждениям несть числа.

Но, осмелюсь заметить, не только наука является формой духовного освоения

---

<sup>1</sup> Цит. по кн.: «Марксизм. Альтернативы XXI века. Дебаты постсоветской школы критического марксизма». С. 92.

<sup>2</sup> Там же.

мира. А куда деть искусство, мораль, право, философию, религию и пр.? Можно до бесконечности доказывать, что разделяющие их границы - всего лишь иллюзия, постмодернистское заблуждение, коему противостоит тотальность научного мышления, но это никак не отменяет фактическую сложность и разнородность духовного мира человека, которую не уложишь в прокрустово ложе одной науки. Отсылка к Марксу с целью оправдания претензии науки на духовную монополию в сфере сознания здесь никак не проходит.

Маркс, конечно, противник общественного разделения труда в сфере не только материального, но и духовного производства, но и для него ясно, что нет такой науки, которая способна заменить собой все многообразие духовных форм. Интеллектом можно, конечно, все объять (как, кстати, и художественным воображением), но отсюда не следует, что им исчерпывается вся духовная культура. Потому и разделение духовной культуры на интеллектуальную и духовную (на науку и все остальное) – не прихоть Келле, не его блажь, вызванная якобы его недооценкой интеллекта, а объективная реальность. «Вот и В.Ж. Келле, - пишет Л.К. Науменко, - разграничил и разделил культуру на интеллектуальную и духовную...»<sup>3</sup>. А без него и до него, надо понимать, она объективно не делилась, например, на веру и знание, религию и науку? И как тут не согласиться с Келле, когда он пишет: «Оно (это деление – В.М.) не мной выдуманно. Их уловил и выразил язык, оно проходит через всю историю философии. Миф и логос в античности, вера и знание в средние века, наука и религия в эпоху Просвещения, знания и ценности в XIX и XX веках. Эти различия реально существуют»<sup>4</sup>.

Добавим к этому, что различие между верой и знанием, религией и наукой не удалось пока преодолеть никакой науке. Ибо граница между ними – это не граница между истиной и ложью, как думает Л.К. Науменко, а граница между истиной и ценностью, как о том совершенно справедливо пишет В.Ж. Келле. О ценности бессмысленно судить с точки зрения ее истинности или ложности, ибо она - не *знание* человека об объекте, а его *значение* для него, что само по себе не является ни истиной, ни ложью. Истинным или ложным является наше знание о ценностях, но не они сами. Если один ценит русскую кухню, а другой – грузинскую, то кто из них ближе к истине?

Похоже, Л.К. Науменко всерьез думает, что все, что не является научной истиной, то от лукавого. Интеллект и дух, истина и ценность только в голове идеолога (он же – лукавый) отделены друг от друга, в действительности они суть одно и то же. Но почему мы обозначаем их разными словами, которые никак пока не могут слиться в одно общее понятие? Считая различие между истиной и ценностью надуманным и

---

<sup>3</sup> Цит. по кн.: «Марксизм. Альтернативы XXI века. Дебаты постсоветской школы критического марксизма», с. 90.

<sup>4</sup> Там же, с. 106.

ложным, мы сильно упрощаем проблему соотношения сознания и бытия, сводя это соотношение лишь к тождеству бытия и мышления. Все остальные формы духовности утрачивают при этом самостоятельное значение, являют собой лишь предварительные ступени движения духа на пути к объективной и всеобъемлющей (научной) истине. Такая постановка вопроса, как мне кажется, не выводит нас за пределы хорошо известной гегелевской схемы.

Начиная со Спинозы, философы, действительно, были озабочены поиском того, что связывает между собой бытие и сознание, обладает значением общей и единой для них субстанции. Вопрос лишь в том, в каком направлении шел этот поиск. Его можно ограничить исключительно сферой познания, но можно распространить на те формы духовной деятельности, целью которых является не просто познание. Сознание ведь – не только познание, но и нечто несравненно большее. В этом я и вижу исток разногласий между Л.К. Науменко и В.Ж. Келле. Для первого сознание тождественно познанию, целиком резюмируется в нем, для второго – не исчерпывается и не сводится к одной лишь познавательной деятельностью и потому не является предметом исключительно логики и теории познания. Обоснование единства бытия и мышления Науменко ищет в логике (диалектической), Келле – в социологии. И в этом он, на мой взгляд, намного ближе к Марксу, чем Науменко.

То общее (субстанциальное), что объединяет сознание и бытие, Маркс, как известно, искал не в логике, а в общественном производстве. Уже в «Немецкой идеологии» термин «производство» служит для его авторов ключевым словом при объяснении не только общественного бытия, но и общественного сознания - «производство сознания, идей, представлений», «духовное производство» и пр. В этой работе еще ничего не говорится о духовном производстве в системе капиталистического производства (об этом у Маркса речь пойдет чуть позже - в «Теориях прибавочной стоимости»), но уже здесь ясно, в каком плане их интересует сознание – не теории познания (гносеологии), а социальной теории, т.е. того, что принято называть сегодня социологией знания. Сказать, что сознание связано с бытием в плане лишь его отражения (или познания) - значит, полностью перекрыть путь к постижению общественного сознания. Сознание связано с бытием, является осознанным бытием в силу не просто своей отражательной способности, но своего производства людьми - вначале теми же, кто производит и общественное бытие, а затем (в результате общественного разделения труда) особыми группами людей, занятыми в духовном производстве. Если производство сознания «первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни», то в условиях разделения труда оно обретает особую форму духовного производства. Под последним Маркс понимал производство сознания, «как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т.д. того или другого народа». В условиях общественного разделения труда различие между материальным и духов-

ным производством становится столь же социально значимым, как и их единство. И что тут можно оспорить?

Связь сознания с бытием не исчерпывается в этих условиях отражением бытия в сознании людей. Сводить общественное сознание к отражению им общественного бытия - значит, действительно, придавать науке значение его высшей и заключительной формы, в которой постепенно растворяются все остальные. Желание «онаучить» все общественное сознание приписывают иногда и Марксу. Но даже если он и давал повод для такого мнения (в чем я сильно сомневаюсь), не надо вслед за ним повторять ту же ошибку. Никакая наука не может устранить ценности для человека иных форм сознания – искусства, морали, права, философии и даже религии, во всяком случае, в условиях реального отчуждения от него его общественной сущности. Их можно, конечно, также считать особыми формами познания (Гегель усматривал в них сменяющие друг друга формы самопознания духа), но нельзя не видеть всю условность подобного обобщения, никак не учитывающего их особой и самостоятельной роли в духовном производстве. Природа духовного (и сознания в целом) постигается в теории Маркса в терминах именно производства, а не отражения.

Всем перечисленным выше формам сознания Маркс и Энгельс, действительно, дали обобщенное название идеологии, введя, пожалуй, первыми это понятие в широкий оборот. Хотя трактовка ими этого понятия не во всем совпадает с тем, что понимают под идеологией в настоящее время, она не столь однозначна, как это представляется Л.К. Науменко. Во всяком случае, идеологию нельзя рассматривать как простое заблуждение ума или следствие злокозненного умысла.

Идеология для Маркса – это область религиозных, философских, политических, моральных и пр. *идей*, отличающихся от научных понятий отнюдь не только своей истинностью или ложностью. Со времен Канта известно, что идеи в отличие от научных представлений и понятий (математических и физических) вообще не имеют предмета в опыте, не несут в себе (не конституируют) никакого позитивного знания о мире. Они лишь указывают на границы опыта, за пределы которого никакое научное знание выйти не может. В плане познания они имеют, следовательно, регулятивное, а не конститутивное значение. И только у Гегеля идея предстала в качестве высшей ступени самопознания духа. На этой ступени дух, получивший форму абсолютной научной системы, как бы возвысился над всеми формами сознания и частными видами знания. В трактовке же Маркса идеи (идеальное) - это не *знание* человека о мире, а его общественное *отношение* к другим людям и к самому себе, лишь переведенное на язык религиозный, философский и пр. мысли. Общественное отношение нуждается в таком переводе потому, что реально предстает как отношение не людей, а вещей, т.е. в отчужденной от них, овеществленной форме. Чтобы стать отношением самих людей, оно должно получить форму идеи, из чего и растет убеждение, что люди связаны между собой в обществе посредством разного рода идей, а не реаль-



ных производственных отношений. «Отношение, - писал Маркс, - для философов равнозначно идее. Они знают лишь отношение «Человека» к самому себе и потому все реальные отношения становятся для них идеями». И еще: «...отношение, то, что философы называют идеей...». Идеология приходит на смену мифологии по мере того, как отношения между людьми обретают характер не их непосредственно личных, а вещных, т.е. отчужденных от них отношений.

Идеология – не миф и не наука, но нечто среднее между ними - рационализированный миф. В таком виде она, как и миф, содержит в себе не просто знание о мире, но набор ценностей, позволяющий людям вступать между собой в определенные отношения. Наука производит знание, идеология – отношение, но не в образно-мифологической, а рациональной форме, в форме отношения идей, которое существуют одновременно в отрыве от отношения вещей. Идеолог не познает общество, а в каком-то смысле творит его, хотя только в идеальной форме. В функции же знания об обществе идеология (как и миф) в любом случае является «ложным сознанием», поскольку выдает за сущность общества лишь ее временный, исторический преходящий образ. Истинных (в смысле научной истинности) идеологий, согласно Марксу, вообще не бывает. Вопрос о научной истинности или ложности идеологии – пустой вопрос, ничего не объясняющий в причине их появления на свет и их популярности в общественном сознании.

Все это, однако, не повод для отрицания ценности идеологии. Наука ценна истинностью своих выводов и обобщений, их практической полезностью, идеология – способностью быть формой, пусть иллюзорной, общественной связи между людьми в условиях, когда она реально отчуждена от них. Причиной возникновения и существования идеологий является не недостаток знания, а невозможность жить в обществе, будучи включенным лишь в материальную связь, в систему экономических отношений. В современном обществе наука, действительно, теснит идеологию, выдавливает ее даже из духовной жизни, но оборачивается это далеко не в пользу человеку. Тотальная рационализация жизни, в том числе духовной, приводит почему-то к ее деперсонализации и обездуховлению, к потере индивидом собственного лица и полному растворению в массе. Итогом такой рационализации оказывается не автономизация, а атомизация индивидов. Такая вот «диалектика Просвещения». В век науки и информации, как ни парадоксально, бывшее воздействие идей на общественное сознание воспринимается, чуть ли не как эпоха расцвета духовности и культуры, навсегда ушедшая в прошлое. Лев Константинович может возразить, что наука, о которой он говорит, – не та, что внедряется сегодня в производство и управление, а та, о которой мечтал Маркс. Но как получилось, что наука, способная придать жизни человеческий смысл, так и осталась благим пожеланием?

В свое время позиция авторов «Духовного производства», предложивших рассматривать формы общественного сознания в терминах не отражения, а производст-

ва, была встречена в штыки многими экономистами и философами. Для экономистов это было прямым покушением на их монопольное право в использовании термина «производство», для философов – отказом от материалистической теории отражения, считавшейся почему-то синонимом марксистского понимания общественного сознания. Я и тогда считал Маркса творцом не какой-то новой гносеологии, а социальной теории (онтологии), в которой сознание выводится из бытия в качестве одной из форм – духовной – его производства.

Открытие Маркса заключалось вовсе не в констатации того, что люди в процессе труда создают полезные для себя вещи – продукты питания, одежду, жилище, орудия труда и пр. Об этом знали задолго до Маркса, и в этом не было никакого открытия. Маркс открыл нечто другое: создавая вещи, люди одновременно создают в форме вещей свои отношения друг с другом, само общество, в котором живут, и, следовательно, себя как общественных существ. В письме к Анненкову от 1846 г., содержащем критику Прудона, Маркс писал: «Г-н Прудон очень хорошо понял, что люди производят сукно, холст, шелковые ткани, и не велика заслуга понять так мало! Но чего г-н Прудон не понял, так это того, что люди сообразно своим производительным силам производят также *общественные отношения*, при которых они производят сукно и холст»<sup>5</sup>. К этому Маркс добавляет: «Еще меньше понял г-н Прудон, что люди, производящие свои общественные отношения, соответственно своему материальному производству, создают также *идеи и категории*, то есть отвлеченные, идеальные выражения этих самых общественных отношений»<sup>6</sup>.

Маркс открыл тем самым *общественную природу труда* (или общественный труд), заключающуюся в его способности создавать общественную связь. В той мере, в какой эта связь получает вещную форму, форму отношения вещей (товаров), она, как уже говорилось, в качестве уже человеческой связи принимает форму отношения идей – «отвлеченных, идеальных выражений» тех же отношений. Производство товаров (материальное производство) и производство идей (духовное производство) суть два разных вида производства одной и той же общественной связи, разошедшиеся между собой в ситуации общественного разделения труда и вызванного им товарного обмена.

Тем самым решается и загадка происхождения идеологий. Они возникают в процессе не познания, а производства людьми своих общественных связей и отношений, но только в форме, свободной от их какой-либо вещественной оболочки. Мы не мыслим, а общаемся посредством идей, и в качестве таких посредников они значат для нас порой больше, чем любое знание.

Разумеется, общение посредством идей (как посредством денег и товаров) не

---

<sup>5</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 27. С. 410.

<sup>6</sup> Там же.

является для Маркса нормой. Идеи лишь воспроизводят на уровне сознания господствующее в обществе отчуждение людей от своих собственных отношений. В идее отношение столь же отчуждено от человека, как и в товаре, предстает как отношение не людей, а идей. Маркс – убежденный противник как товарного, так и идеологического фетишизма, как власти вещей над человеком, так и власти идей. Недаром логику он называл «деньгами духа». Он противник любой абстракции в качестве посредника в отношениях между людьми. Таким посредником должен стать сам человек во всей конкретности, целостности и непосредственности своего индивидуально-го бытия. В этом смысле Маркс, конечно, критик любой идеологии. Но альтернативу ей (в плане бытия, а не только познания) он ищет не в науке, а в таком типе человеческого общения, который не нуждается в посредничестве ни вещей, ни идей. С помощью одной науки идеологию не преодолеешь, а если и преодолеешь, то в условиях сохраняющегося отчуждения людей от своей общественной сущности, это обернется потерей ими вообще какого-либо человеческого лица. Утрата идеологии в таких обстоятельствах превращает индивида в объект прямой манипуляции со стороны власти и средств массовой информации, т.е. лишает его всякой субъективности.

Л.К. Науменко все это, конечно, хорошо знает и понимает. Но живя, как и все мы, в обществе отчуждения, он, как мне кажется, тешит себя иллюзией, что пропасть, разделяющую науку и идеологию, можно преодолеть чисто теоретически, в границах самого сознания, пусть и трактуемого материалистически, диалектически и монистически. Он и называет себя не «идеологом», а «отражателем», полагая, видимо, что посредством отражения – пусть и самого истинного – можно возвыситься над любой идеологией. Для него идеология – всего лишь ложное сознание, которое давно пора заменить знанием истинным, построенным по лекалам диалектической логики. Но рассуждая подобным образом, он не замечает, что повторяет судьбу марксизма, претендовавшего при своем зарождении на преодоление всяческой идеологии, но превратившегося, по странной логике, в идеологию по преимуществу, причем ни без старания соратников и прямых учеников Маркса. Что же предопределило неудачу этой главной претензии марксизма – быть не идеологией, а наукой?

Причину, несомненно, следует искать в самом марксизме, попытавшемся сочетать несочетаемое – науку и политику, объективность и классовость, истину и интерес, пусть и пролетарский. Создавая свое учение, Маркс претендовал как бы на двойной синтез – на его соединение с рабочим движением и на его соединение с наукой, т.е. на создание чего-то подобного «пролетарской науке». В подобной двойственности и заключалось внутреннее противоречие его учения. В качестве критики существующего общества оно, несомненно, содержало в себе элемент научности, но в качестве «пролетарского мировоззрения» так и осталось идеологией. Видимо, во времена Маркса мечтать о полном преодолении идеологии было все же несколько преждевременно.

Как пролетариат не стал «могильщиком капитализма», так и наука, созданная Марксом, не стала «могильщиком идеологии», не заменила ее собой, а сама превратилась в идеологию. Но из этого следует, что обвинение в защите идеологии, которое Л.К. Науменко предъявляет В.Ж. Келле, абсолютно беспочвенно и совершенно не по адресу. Скорее, В.Ж. Келле с его констатацией разделения науки и идеологии намного ближе к истине, чем его оппонент, больше ученый, чем идеолог, тогда как Л.К.Науменко с его требованием немедленно покончить со всякой идеологией, заменив ее только ему ведомой истинной наукой, больше идеолог, чем ученый. Утверждение о приверженности идеологии он должен отнести, скорее, к себе, к своему учителю Э.В. Ильенкову и даже к самому Марксу, хотя в таком утверждении я не вижу ничего, что может кого-то скомпрометировать и опорочить.

В позиции, защищаемой Л.К. Науменко (за исключением того, что он наговорил по поводу В.Ж. Келле), как и вообще в самом факте существования идеологии, нет, конечно, ничего порочного. Хотя наука, способная уже сегодня заменить собой идеологию, существует пока только в его воображении, попытка мыслить ее (пусть и в виде только логически сформулированной идеи) позволяет избежать абсолютизации нынешнего состояния научного знания с его дисциплинарными границами и не стыкующимися между собой сферами познания (например, естественнонаучного и гуманитарного). В этом смысле можно понять желание Л.К. Науменко придать науке характер единой системы, позволяющей преодолеть разрыв между интеллектом и духом, знанием и ценностью. Духовность без интеллекта, т.е. без ума, действительно, исконное российское бедствие. В равной мере и интеллект без духовности - главное бедствие современной западной цивилизации с ее предельной рационализацией, технологизацией и утилитаризацией общественной жизни. Однако вполне оправданное желание как-то смягчить, ослабить или даже полностью преодолеть существующий между ними разрыв - еще не повод для уничижительной критики тех, кто умеет отличать желаемое от действительного.

Нет слов, Россия в лице своих лучших представителей – действительно, страна высокой духовности и культуры. Но духовность наша почему-то плохо сочетается с интеллектом, с рациональным типом поведения и мышления, попросту с умом. Ум с сердцем у нас, как известно, не в ладу и далеко не всегда сочетается с талантом. Талантом мы восхищаемся, а умом часто пренебрегаем. На роль «властителей дум» у нас претендуют, как правило, либо служители веры, либо люди искусства, а в наше время еще и журналисты, но не ученые и мыслители. Только в России могла появиться комедия «Горе от ума». Отсюда же «умом Россию не понять», «История города Глупова» и пр. Это ведь не случайно. Редко встречающийся в нашей литературе положительный герой, и тот – «идиот». Мы часто говорим о ком-то, что он «безумно талантлив», полагая, видимо, что талант в уме не нуждается. Но талант и духовность без ума – это доведение собственного мнения и веры до крайности, до абсурда, от-

существование чувства меры. В своих суждениях мы более полагаемся на чувство, на эмоцию, на то, что подсказано сердцем, чем на мышление и строгое рассуждение. Мы более доверяем лозунгам и хлестким фразам, чем аргументам. Страсти у нас явно преобладают над разумом. Поэтому столь непримиримы наши споры, а в наших действиях и поступках больше экзальтации и слепой веры, чем трезвого расчета и разумной мысли. В этом смысле можно понять и даже поддержать Науменко в его неприятии духовности без интеллекта и интеллекта без духовности. Но что может их примирить друг с другом? В теории все сходится, но как быть с практикой?

В свое время спор о том, что считать приоритетом в культуре – разум или дух, разделил между собой просветителей и романтиков. Просветители, как известно, настаивали на приоритете разума (или науки), романтики – на приоритете духа (искусства и религии). В России этот спор был воспроизведен в лице наших западников и славянофилов. Гегель в своей философии попытался снять противоположность разума и духа посредством идеи разума как саморазвивающейся системы. Маркс искал решение той же проблемы в материалистически понятой истории как практическом изменении человеком мира и самого себя. Затянутый Л.К. Науменко спор с В.Ж. Келле как бы возвращает нас к той же проблеме. Но только то, что для Маркса было делом всей истории, еще далеко не закончившейся, для Науменко – давно решенное дело, отвергающее как анахронизм любую попытку различать науку и идеологию, знание и ценность, интеллект и дух.

То, что, по мнению Л.К. Науменко, следует из его идеи науки, делает для него неприемлемым даже то, что обычная наука, например, социология, констатирует в качестве реально существующего факта. В этом смысле он – идеолог почище Гегеля, который все-таки в большинстве случаев считался с действительностью. Если социолог под воздействием очевидного вынужден констатировать существующий в реальности разрыв между разумом и духом, знанием и верой, наукой и идеологией, истиной и ценностью, то Л.К. Науменко, похоже, склонен обвинять в существовании этого разрыва не действительность, а самого социолога: он не так или не то видит. Но это и есть идеология – выдавать за факт то, что существует пока только в идее. И еще вопрос, станет ли эта идея вообще когда-нибудь фактом. Поэтому, главное, что можно пожелать Л.К. Науменко – это перенести свой гнев с ученого, объективно отражающего действительность, на саму действительность. А Владиславу Жановичу Келле в связи с его замечательным юбилеем хочется пожелать только одного: продолжать мыслить и работать в том же духе.